

А.Н.ОСТРОВСКИЙ. БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

Комедия в четырех действиях
Москва, Изд-во "Книжная палата", 2001
OCR & spellcheck: Ольга Амелина, январь 2005

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ (Вместо пролога)

ЛИЦА:

Л ю б о в ь И в а н о в н а О т р а д и н а, девица благородного происхождения.

Т а и с а И л ь и н и ш н а Ш е л а в и н а, девица, товарка Отрадиной.

Г р и г о р и й Л ь в о в и ч М у р о в, молодой человек из губернских чиновников.

А н н у ш к а, горничная Отрадиной.

А р и н а Г а л ч и х а, мещанка.

Действие в губернском городе. Комната небогатой квартиры на самом краю города; двери справа и слева во внутренние комнаты, в глубине окно и входная дверь; мебель простая, но приличная, в комнате чисто и уютно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Отрадина сидит за столом и шьет воротничок. Аннушка подле нее шьет платье.

А н н у ш к а (откусывая нитку). Вот, барышня, и готово. Сами скроили, сами и сшили, не хуже другой портнихи.

О т р а д и н а. Да, разумеется, не хуже.

А н н у ш к а. И какое бесподобное платье вышло.

О т р а д и н а. Ну, уж и бесподобное!.. Нет, вот я вчера к портнихе за выкройкой для воротничка ходила, так видала платье... вот то так уж действительно бесподобное. Таисе Ильинишне подвенечное шьют.

А н н у ш к а. Слышала я, слышала, а платья не видала. Небось дорогое?

О т р а д и н а. Да, дорогое; рублей шестьсот, коли не больше, стоит.

А н н у ш к а. Ай, что вы? Шестьсот?.. Шесть таких бумажек сотельных?

О т р а д и н а. Да ведь белый фый; сколько тут его пошло? Да настоящие

брюссельские кружева.

А н н у ш к а. Шесть сотельных! Ай, ай, ай, ай!.. Да на эти деньги можно все приданое сшить; хорошей барышне, благородной можно сделать, а она только одно платье.

О т р а д и н а. Что ж ей не щеголять, коли она так богата!

А н н у ш к а. Все ж бы ей надо хоть немножко постыдиться, не вдруг свое богатство-то показывать.

О т р а д и н а. Что ты за вздор болтаешь!

А н н у ш к а. Да уж очень мудреные дела-то на свете творятся.

О т р а д и н а. Что тут мудреного? Самое обыкновенное дело: деньги ей достались по наследству от богатых родственников.

А н н у ш к а. Да как же это так по наследству, коли у нее, окромя двух теток, и родственников-то нет.

О т р а д и н а. Это ты почему знаешь?

А н н у ш к а. Слухом земля полнится.

О т р а д и н а. Много ведь и пустяков говорят, Аннушка.

А н н у ш к а. Нет, уж чего не было, так говорить не станут. Кому нужно!

Бедно ведь жили здесь Таиса-то Ильинишна с своей тетенькой, все их знали, а я так и очень хорошо; время-то недавнее, всего три года. А познакомился тогда с ними богатый барин, старичок, из Сибири приехал, золотых песков там у него, говорят, много, ну, и увез их отсюда... Тетка-то из Москвы сейчас же и вернулась, а Таиса Ильинишна поехали с ним на теплые воды. Там старик-то и помер, да и отказал все свои деньги и все пески золотые Таисе Ильинишне, вот она и разбогатела. Приехала сюда, да теперь шику и задает. Тетка-то у ней теперь как заместо прислуги.

О т р а д и н а. А ты девушка молоденькая, ты не все говори, что слышишь, - стыдно.

А н н у ш к а. Что ж за стыд, коли правда! Стыдно-то не тому, кто говорит, а тому, кто делает.

О т р а д и н а. Все-таки лучше помолчать. Она мне товарка, мы с ней вместе учились. Мы и до сих пор знакомы.

А н н у ш к а. Так разве она вас понимать может, разве она ценит ваше знакомство-то? Вот уж с месяц она к вам и не заглянет.

О т р а д и н а. Ей некогда, она теперь хлопочет, замуж выходит.

А н н у ш к а. Что и замуж-то выходит, вы от портнихи узнали. А еще приятельницей называется! А ей бы прежде всего к вам: так и так, мол, думаю замуж выйти вот за такого-то. Как посоветуешь? Вот как добрые-то люди делают!

О т р а д и н а. А за кого она выходит, ты не слыхала?

А н н у ш к а. Кто говорит, за офицера; а кто за особых поручений.

О т р а д и н а. Каких... особых поручений?

А н н у ш к а. Чиновники такие есть. Вот бы свадьбу-то посмотреть, да венчаться будут, говорят, в имении, пятьдесят верст по железной дороге да

там верст двадцать в сторону.

О т р а д и н а. Откуда ты такие сведения получаешь?

А н н у ш к а. Мы скорее вашего всё узнаем. Я от мастериц у портнихи слышала. Кабы дело-то чисто было, так не стала бы венчаться в деревне, точно украдкой.

О т р а д и н а. И все-таки не нужно об ней дурно говорить; такими разговорами можно дело расстроить, помешать.

А н н у ш к а. Помешаешь ей! Да кто ж на ее капитал не польстится, какая бы она ни была. Нет, таким-то всегда счастье; а хорошие барышни жди да пожди. Вот вы скоро ль дождетесь хорошего жениха! Другой бы, может, и взял; вот хоть бы, например, Григорий Львович, да...

О т р а д и н а. Что "да"?

А н н у ш к а. Да приданого нет.

О т р а д и н а. Так ты думаешь, что только за тем и дело стало?

А н н у ш к а. А то за чем же? Нынче народ-то какой? Только денег и ищут; а не хотят того понимать, что коли у вас приданого нет, так вы зато из хорошего роду; образование имеете, всякое дело знаете. А что ваши родители померли, да вам ничего не оставили, так кто ж этому виноват!

О т р а д и н а. Так, так; отлично ты рассуждаешь. А вот погоди, и я разбогатею, так замуж выйду.

А н н у ш к а. А что ж мудреного вам разбогатеть? У вас есть бабушка богатая.

О т р а д и н а. Во-первых, она очень дальняя родня, а во-вторых, у ней прямых наследников много. Да кстати, она писала мне из деревни, что сегодня будет в городе, так заедет ко мне чай пить. Надо кипяченых сливок изготовить, она до смерти любит. Нет, я и так, без бабушек разбогатею.

А н н у ш к а. С уроков-то разбогатеете? Это в нашей стороне-то? Невозможно этому быть.

О т р а д и н а. Да, правда твоя, здесь сторона купеческая, образование не в ходу.

А н н у ш к а. На что им ученье! Они с капиталами при всем своем полном невежестве прожить могут.

О т р а д и н а. А не разбогатею, так, может быть, и без приданого добрый человек возьмет. Как ты думаешь? У меня такой есть на примете.

А н н у ш к а. Дай-то бог! Только ведь и мужчины-то нынче...

О т р а д и н а. А что?

А н н у ш к а. Да сначала очень завлекательны, а потом часто бывают даже и очень обманчивы.

О т р а д и н а. А ты почему знаешь?

А н н у ш к а. Да ведь я живой тоже человек, разве не вижу, что на свете-то делается!.. (Складывает платье.) В шкаф, что ли, повесить?

О т р а д и н а. Оставь тут! Я его еще раз примеряю и спрячу.

А н н у ш к а. Так пойти за свое дело приняться. У нас в кухне-то никого нет, не вошел бы кто.

О т р а д и н а (взглянув в окно). Ты прежде отопри: Григорий Львович идет; а потом уж и ступай за своим делом.

Аннушка отпирает, выпускает Мурова и уходит в дверь направо.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Отрадина и Муров.

О т р а д и н а (встречая Мурова). Ах, мой милый, как я рада!..

М у р о в. Здравствуй, Люба!.. Ты, должно быть, сегодня рано встала; уж и одета, и причесана, точно ждешь кого.

О т р а д и н а. Чему ты удивляешься, я не понимаю; я всегда так встаю. Да ведь ты сам сказал, что придешь ко мне сегодня рано, тебе нужно о чем-то поговорить со мной.

М у р о в. Ах, да, я и забыл совсем. Да, точно, я ведь говорил тебе.

О т р а д и н а. Да ты что-то и всегда стал рано приходить ко мне, как будто боишься кого.

М у р о в. Ах, боже мой! Разумеется, боюсь, только не за себя, а за тебя.

Очень просто, я не хочу, чтоб про тебя дурно говорили.

О т р а д и н а. Благодарю, мой милый, благодарю! Однако ты прежде этого не боялся. Да ведь уж разве скроешься? Уж и теперь мне намекают: "Скоро ли, барышня, Григорий Львович женится на вас". Лучше бы не прятаться, а эти толки прекратить.

М у р о в. Уж чего бы лучше, но, к несчастью, мой друг, это пока невозможно.

О т р а д и н а. Как невозможно? Почему? Что ты говоришь? Я не могу этому поверить.

М у р о в. Маменька не согласится; да и согласится ли она хоть когда-нибудь, я не знаю, а я без ее воли шага шагнуть не смею.

О т р а д и н а. Что же ей нужно?

М у р о в. Ей нужно, чтоб я женился на девушке богатой и с сильной родней.

О т р а д и н а. Всё это новости для меня; я тебя знаю четыре года, а ты мне ни слова.

М у р о в. У меня до сих пор и разговора с маменькой об этом не было.

О т р а д и н а. Да как же так? Ты не имел права молчать, ты обязан был говорить обо мне.

М у р о в. Что ж делать... Виновато во всем мое воспитание; я человек забитый, загнанный. Извини меня - ну, я просто боялся. Но, наконец, мне

надоело быть постоянно под опекой. Ты сама посуди. Я совершеннолетний, а не смею ступить шагу без позволения, не смею ничем распорядиться: каждый рубль должен просить у нее.

О т р а д и н а. Ну, ну!..

М у р о в. Я стал просить ее, чтоб она отделила мне часть имущества или дала приличное содержание: тысячи три-четыре в год. Она сказала, что не даст мне ни гроша, пока я не женюсь по ее выбору.

О т р а д и н а. Ну, что же ты, что же ты?

М у р о в. Ах, не спрашивай меня, пожалуйста! У меня голова кругом идет.

О т р а д и н а. Но ты пойми же, что мне нужно знать наверное твои намерения, твои мысли; иначе мне жить нельзя.

М у р о в. Мои намерения?

О т р а д и н а. Да, да, твои намерения.

М у р о в (смущенный). Ну, что же... Ну, ты их знаешь... Могу ли я, в состоянии ли я?.. Моя обязанность...

О т р а д и н а. Ну, да, да! Я надеюсь, что ты твердо знаешь свою обязанность. Мне нельзя сомневаться в тебе; а то пытка ведь это, пытка...

Ты должен помнить каждую минуту, что у нас есть сын. Ты редко его видишь, а я вчера была у Галчихи. Ведь он уже понимать начинает.

Ласкается ко мне, мамой, мамочкой зовет. А он врозь со мной, он у женщины необразованной, корыстолюбивой... Я измучилась, я ночи не сплю, мне все думается: сыт ли он, покойно ли он спит. Гриша! ты хоть бы поглядел на него, полюбовался. Что это за ангел!

М у р о в. Ты очень любишь нашего Гришу?

О т р а д и н а (с удивлением). Еще бы. Что это за вопрос? Разумеется, люблю, как только можно любить, как нужно любить матери.

М у р о в. Да, да... Конечно... А что, Люба, если вдруг этот несчастный ребенок останется без отца?

О т р а д и н а. Как без отца?

М у р о в. Ах, боже мой! Ведь все может случиться. Я езжу много, могут меня лошади разбить, ну, там... на железной дороге что-нибудь случится.

О т р а д и н а. Да что за разговоры, помилуй! Что ты меня мучить пришел сегодня, что ли?

М у р о в. Ах, Люба, всегда надо предполагать худшее, чтоб быть готовым. Ну, вот я и думаю: что ты будешь делать с Гришей, если меня с вами не будет?

О т р а д и н а. Ах, отстань, пожалуйста! Пожалей мои нервы!

М у р о в. Ох, нервы, нервы! Вот то-то и горе наше, что у вас нервы очень слабы.

О т р а д и н а. Если ты спрашиваешь серьезно, так я тебе отвечу. Ты не беспокойся: он нужды знать не будет. Я буду работать день и ночь, чтобы у него было все, все, что ему нужно. Разве я могу допустить, чтоб он был голоден или не одет? Нет, у него будут и книжки и игрушки, да, игрушки,

дорогие игрушки. Чтобы все, что у других детей, то и у него. Чем же он хуже? Чем он виноват? Ну, а не в силах буду работать, захвораю там, что ли... ну что ж, ну, я не постыжусь для него... я буду просить милостыню. (Плачет.)

М у р о в. Ах, Люба, что ты, что ты!

О т р а д и н а. Да ведь ты сам спрашиваешь, ты сам хочешь, чтоб я говорила. Чего ж ты ждал от меня, какого другого ответа? Неужели ты предполагал, что я его брошу?

М у р о в. Ах, бедная! Извини меня! У меня и в помышлении не было расстраивать тебя. Оставим эти разговоры, поговорим о чем-нибудь другом.

О т р а д и н а. Ах, да, пожалуйста, о другом. Сделай милость.

М у р о в. Что ты поделяваешь?

О т р а д и н а. Вот платье шила.

М у р о в. Кому это?

О т р а д и н а. Себе.

М у р о в. Хорошенькое?

О т р а д и н а. Дешевенькое. Для меня и это хорошо: у меня золотых приисков нет.

М у р о в. Зато ты сама чистое золото. Да про какие ты прииски говоришь?

О т р а д и н а. А вот про какие! Вчера я видела платье, вот так уж роскошь! Подвенечное, с блондами.

М у р о в. Чье же это?

О т р а д и н а. Таисы Ильинишны Шелавиной.

М у р о в. Как? Что? Что ты говоришь?

О т р а д и н а. Я говорю: Таисы Ильинишны. Ты разве ее знаешь?

М у р о в. Нет, так... слышал про нее.

О т р а д и н а. Она хорошенькая и богатая, не то, что я. А была бедная девочка; мы с ней давно знакомы, вместе учиться бегали.

М у р о в. Неужели?

О т р а д и н а. Ленивая такая была и училась плохо; а вот разбогатела и мужа нашла. Еще девчонкой она нас удивляла.

М у р о в. Чем же?

О т р а д и н а. А тем, что стыда в ней как-то мало было. А сердце все-таки у ней доброе, надо правду сказать. Не видались мы с ней года три, а встретила меня чуть не со слезами; два раза была у меня, предлагала денег... Я не взяла, разумеется. А вот что хорошо: она обещает доставить мне два урока и постоянную работу. Это для меня очень важно; я могу не тратить моего маленького капитала, побережешь его для сына... а может быть, и на приданое. Послушай! Покажи меня своей матери; я могу ей понравиться, у меня есть способности. Я здесь заглохла. Я, если захочу, могу блеснуть и умом, и своими знаниями, и очаровать старуху.

М у р о в. Да, да, я не сомневаюсь.

О т р а д и н а. Ну, вот и прекрасно. Я недавно познакомилась с одним семейством, там бывает и твоя мать.

М у р о в. Все это очень хорошо; но только не теперь; как-нибудь впоследствии.

О т р а д и н а. Отчего же?

М у р о в. Да вот что, мой друг! Я должен сообщить тебе не совсем приятную новость.

О т р а д и н а. Что еще? Говори скорей! Что за мученье мне сегодня!

М у р о в. Не бойся! Ничего особенного. Нам надо будет расстаться на время.

О т р а д и н а. Зачем?

М у р о в. Я еду.

О т р а д и н а. Едешь? Куда же?

М у р о в. В Смоленскую губернию, потом в Петербург, по делам маменьки.

О т р а д и н а. Надолго?

М у р о в. Я и сам еще не знаю; месяца на два, а может быть, и больше. Как дело кончится в сенате... Я уж и отпуск взял.

О т р а д и н а. Когда ж ты отправляешься?

М у р о в. Сегодня вечером.

О т р а д и н а. Так скоро? Что ж ты меня не предупредил? Я совсем не приготовилась; я была так весела сегодня, не думала о разлуке с тобой, и вдруг такое горе. (Плачет.)

М у р о в. Ну, что за горе? Об чем же плакать? Я, может быть, ворочусь очень скоро.

О т р а д и н а. А Гриша? Тебе не жаль его?

М у р о в. Да разве ему твоей любви мало? Да что, в самом деле, умирать, что ли, я собираюсь? Ну, перестань же! Мне и так нелегко расставаться с тобой, а как ты еще расплачешься...

О т р а д и н а. Ну, хорошо, ну, я перестану. (Ласкаясь.) Ты ведь не долго будешь так мучить меня? Скоро мы с тобой уж совсем разлучаться не будем? А? Скоро? Ну, говори же!

М у р о в. Да, конечно, скоро.

О т р а д и н а. Ах, бедный! Довольно ли у тебя денег на дорогу-то?

М у р о в. Довольно! Будет с меня.

О т р а д и н а. Не верю, не верю; твоя матушка не очень расщедрится. (Достает из стола бумажник.) Вот возьми рублей сто, бери и больше, пожалуй. Мне не нужно, я получу за уроки, да у меня будет работа. Что ж мне делать без тебя? Буду работать от скуки.

М у р о в. Да нет же, не могу я и не хочу брать деньги у тебя.

О т р а д и н а. Отчего же это? Разве я тебе чужая? Разве мы не обязаны делиться друг с другом? Да послушай! (Пристально смотрит на Мурова.) Ты меня не любишь или хочешь оставить?

М у р о в. Что за вздор тебе лезет в голову.
О т р а д и н а. Так возьми... Неужели же бы ты не взял от жены своей? Ну, это мой подарок тебе.
М у р о в. Изволь, я возьму. Только, если я увижу, что у меня своих денег будет довольно, ты уж позволь мне возвратить тебе твой подарок.
О т р а д и н а. Ну, там видно будет. А вот еще, мой друг, возьми этот медальон. (Снимает с своей шеи медальон.) Носи его постоянно. Тут волосы нашего Гриши; он тебе будет напоминать о нас.
М у р о в (берет медальон). Изволь, изволь, мой друг.
О т р а д и н а. Ах, какое мученье, какое мученье!
М у р о в. А коли мученье, так надо его кончить поскорей. Прощай, Люба, я еду!
О т р а д и н а. погоди! Вспоминай обо мне почаще, пиши мне!
М у р о в. Непременно, непременно. О ком же мне и помнить, как не о тебе.
О т р а д и н а. Как приедешь в Петербург, так напиши!
М у р о в. Разумеется, сейчас же напишу.
О т р а д и н а. Ну, прощай! Поезжай с богом. (Обнимает его.)
М у р о в. Довольно, Люба, довольно! (Взглянув в окно.) Что это? Кто-то подъехал в карете.
О т р а д и н а (взглянув в окно). Шелавина, это ее карета.
М у р о в (с испугом). Ах, как это неприятно!
О т р а д и н а. Да что за беда? Что ты так тревожишься? Ее бояться нечего; она осуждать не станет.
М у р о в. Как не бояться? Нет, я не хочу, чтоб она меня здесь видела. Это невозможно. Она такая болтливая.
О т р а д и н а. Так ты ее знаешь? А говорил, что не знаком с ней.
М у р о в. Мне говорили, я слышал... Она идет, спрячь меня!
О т р а д и н а. Да зачем прятаться? Это странно.
М у р о в. Ах, вот... я уйду в эту комнату. (Уходит в дверь налево.)
О т р а д и н а. Пожалуй; только я не понимаю...

Входит Шелавина с коробкой в руках.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Отрадина и Шелавина.

Ш е л а в и н а. Здравствуй, душка!
О т р а д и н а. Здравствуй, Таиса! Что у тебя за коробка?
Ш е л а в и н а. Платье подвенечное. Я ведь замуж выхожу; разве я тебе не говорила?
О т р а д и н а. Нет. Да я знаю, я слышала; я и платье-то видела у портнихи.

Ш е л а в и н а. Вот прелесть-то! Чудо, как хорошо! Не хочешь ли поглядеть его на мне? Вот я сейчас, тут у тебя, и надену его. (Хочет раздеваться.)

О т р а д и н а. Не надо, зачем! Еще, пожалуй, войдет кто-нибудь.

Ш е л а в и н а. Так пойдем к тебе в спальню! (Идет к двери налево.)

О т р а д и н а. Да не нужно, говорю тебе. Я и так знаю, что хорошо.

Ш е л а в и н а. Ну не надо, так не надо. Что ты такая сегодня?левой ногой с постели встала, должно быть.

О т р а д и н а. Что-то нездоровится, да и встала рано, работала сидела. (Показывает платье.)

Ш е л а в и н а. Себе платье шила? Ах ты, бедная! Я прыгаю, веселюсь, а она вон работает сидит. Как судьба-то несправедлива! Ты лучше меня в тысячу раз и умнее, а живешь бедно; а я вот, ни с того ни с сего, разбогатела.

О т р а д и н а. Как же это ни с того ни с сего?

Ш е л а в и н а. Да, конечно. Свалилось богатство нежданно-негаданно; сошел человек, на старости лет, с ума и наградил. Спасибо ему, я его всегда буду добром поминать; по его милости я как раз и мужа нашла.

О т р а д и н а. Поздравляю тебя!

Ш е л а в и н а. Не с чем, душечка!

О т р а д и н а. Разве ты не любишь своего жениха?

Ш е л а в и н а. Да как его любить-то? Шут его знает, что он за человек. Словам его я не верю, да и верить-то им нельзя.

О т р а д и н а. Богат?

Ш е л а в и н а. Какое богатство! Голь перекатная!

О т р а д и н а. Значит, хорош собой?

Ш е л а в и н а. Ну, нельзя сказать; так себе.

О т р а д и н а. Так хорошей фамилии, в больших чинах?

Ш е л а в и н а (смеется). Да, в чинах. Ваше высоко-ничего, вот и весь его чин.

О т р а д и н а. Так на что ж ты польстилась? Для чего идешь за него замуж?

Ш е л а в и н а. Вот я тебе объясню для чего. Я теперь стала богата, а жить-то по-богатому не умею. То есть умею только деньги по магазинам развозить, на это у меня ума хватает; а как вести счета да расчеты, да управлять имением, я аза в глаза не знаю. Достались мне акции да билеты; вот я поверчу, поверчу их перед глазами да опять положу; а сколько тут денег, ни в жизнь мне не счесть. Считать-то я училась по пальцам, а тут пальцев-то и не хватает. А с имениями-то да заводами что я стану делать? Положиться на управляющих да на приказчиков, так они сейчас мою премудрость постигнут и будут обирать как им угодно. А теперь я в барышах: управляющий даром, да он же и муж, человек молодой, ловкий, - чего ж мне еще! Да к тому же он еще клятву дал из повиновения не

выходить.

О т р а д и н а. Однако у тебя будет муж хороший, почтительный.

Ш е л а в и н а. Ну, какой бы ни был, а уж у нас дело слажено. После свадьбы мы сейчас поедem в Петербург; он перейдет туда на службу; я еще молода, недурна собой; посмотри, каких мы делов наделаем.

О т р а д и н а. Твой жених чиновник?

Ш е л а в и н а. Да, чиновник.

О т р а д и н а. А где служит?

Ш е л а в и н а. Не знаю, право. Так, болтается где-то, у начальника на посылках, должно быть. Да вот, не хочешь ли, я тебе покажу его? Со мной карточка.

О т р а д и н а. Покажи, покажи!

Ш е л а в и н а. Кажется, я ее в карман сунула. (Шарит в кармане.) Да вот она. Измялась немножко. (Подает карточку Отрадиной.) Вот гляди!

О т р а д и н а (взглянув на карточку). Ах! Ах!

Ш е л а в и н а. Что с тобой?

О т р а д и н а. Ничего, я оперлась рукой на стол и накололась на булавки.

Ш е л а в и н а. Ах, бедная! Больно тебе?

О т р а д и н а. На, возьми. (Отдает карточку.)

Ш е л а в и н а. Ну, что, каков?

О т р а д и н а. Не знаю, что сказать тебе. Наружность у людей так обманчива. (Опускается на стул.)

Ш е л а в и н а. Да, это правда. Но если он обманет меня, так ему же хуже.

Со мной шутки плохи. Я ведь не поцеремонюсь, я его, милого дружка Григория Львовича, и за дверь вытолкаю. Однако мне пора. Я бы и посидела у тебя, да пропасть хлопот в городе. Приезжай на свадьбу, сделай милость!

О т р а д и н а. Нет, нет, благодарю тебя.

Ш е л а в и н а. Милая моя, ты нездорова. Поди ложись, я тебе пришлю доктора. Если тебе что нужно, ты только скажи мне, пришли ко мне; я для тебя все готова... Ну, прощай, милая, голубка! (Целует Отрадину и уходит.)

Отрадина провожает ее до дверей: потом, едва держась на ногах, подходит к столу, опирается на него правой рукой - и с напряжением смотрит на дверь спальни. В двери показывается Муров.

О т р а д и н а (указывая среднюю дверь). Уходите!

М у р о в. Любушка, выслушай!

О т р а д и н а. Уходите!

М у р о в (подавая деньги). Твои деньги...

О т р а д и н а (берет деньги и кладет на стол). Уходите, говорю я вам.

Входит Галчиха.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Отрадина, Муров, Галчиха, потом Аннушка.

О т р а д и н а. Что ты, Архиповна?

Г а л ч и х а. К вам, матушка.

О т р а д и н а. Как же ты ребенка бросила? Зачем ты в городе?

Г а л ч и х а. Да, матушка (утирает фартуком слезы), ребеночек-то...

О т р а д и н а. Что, что?

Г а л ч и х а. Помирает, матушка.

О т р а д и н а. Как? Что? Аннушка, Аннушка!

Аннушка показывается в двери справа.

Платок, платок! да беги за извозчиком!

Г а л ч и х а. Да я на извозчике.

Аннушка уходит.

О т р а д и н а. Что же, что же? Говори, ради бога! Он вчера здоров был.

Г а л ч и х а. Вдруг, матушка.... Захрипит, захрипит да весь почернеет.

О т р а д и н а. Доктора, скорей доктора!

Г а л ч и х а. Доктор у нас, матушка. Тут земский приехал к нам в слободу, так я его позвала. Он меня и послал.

О т р а д и н а. Что ж он говорит?

Входит Аннушка с платком.

Г а л ч и х а. Дурно, говорит, самая болезнь опасная. (Утирает слезы.) Часу, говорит, не проживет.

О т р а д и н а. Ай, ай! (Берет платок и покрывается.) Побежим, побежим! (Мурову.) Ну, теперь вы совсем свободны.

М у р о в. Я за вами поеду.

Уходят.

А.Н.ОСТРОВСКИЙ. БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

Е л е н а И в а н о в н а К р у ч и н и н а, известная провинциальная актриса.

Н и л С т р а т о н ы ч Д у д у к и н, богатый барин.

Н и н а П а в л о в н а К о р и н к и н а, актриса.

Г р и г о р и й Н е з н а м о в |

Ш м а г а } артисты провинциального театра.

А р и н а А р х и п о в н а, Г а л ч и х а

И в а н, слуга в гостинице.

Комната в гостинице, прилично меблированная, с камином; в глубине дверь в коридор, справа от актеров дверь в другую комнату.

Между первым и вторым действиями проходит семнадцать лет.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Иван стирает пыль с мебели. Дудукин отворяет дверь.

Д у д у к и н (в дверях). Можно войти?

И в а н. Пожалуйте, сударь, Нил Стратоныч!

Д у д у к и н (входя с кульком в руках). Что, Елена Ивановна встала?

И в а н. Уж и кофею накушались.

Д у д у к и н. Спроси, примет ли она меня!

И в а н. Да они уехамши-с.

Д у д у к и н. Эка досада! А я ей чаю привез, только получили с ярмарки; и икры зернистой стерляжьей: она любит очень.

И в а н. Понимаю-с. Пожалуйте, я девушке отдам. Вы, сударь, Нил Стратоныч подождите их; они скоро будут. (Берет кулек, уходит в дверь направо и сейчас же возвращается.)

Д у д у к и н. А куда она поехала?

И в а н. К губернатору-с.

Д у д у к и н. Зачем?

И в а н. Не могу знать-с. Надо полагать, насчет бенефисту-с, так как актеры и актрисы, которые ежели... так уж первым долгом завсегда-с...

Д у д у к и н. Что ты врешь! Какой бенефис! О бенефисе еще и разговору

нет. Про бенефисы я всегда прежде всех знаю. С кем поехала? Со Степкой?

И в а н. Со Степкой-с.

Д у д у к и н. На пристяжке караковая?

И в а н. Караковая-с.

Д у д у к и н. То-то же. А то у него саврасенькая есть, так та пуглива и задом бьет, того гляди через постромку ногу перекинёт. С мужчиной едет - ну, ничего, а женщина сосуд скудельный. Нервы у них.

И в а н. Как можно, помилуйте! Сохрани бог!

Д у д у к и н. А зелень у вас к столу есть какая-нибудь?

И в а н. Какая уж зелень у нас! Один салат, да и тот больше как вроде кожи. Нешто у нас заведение настоящее? Тоже разве мало слышим брани-то от приезжающих! А мы при чем тут, коли хозяин без понятия.

Д у д у к и н. Ну, так я вам пришлю и салату, и цветной капусты. Подавайте только одной Елене Ивановне; на всех гостей я вам не поставщик. Так повару и скажи!

И в а н. Слушаю. Да что вам, сударь, беспокоиться! Ведь уж если наш хозяин не знает, что для хороших господ требуется, так никому вреда, кроме как себе.

Д у д у к и н. Да ведь это свинство, любезный друг.

И в а н. Уж это как есть, в полной форме.

Д у д у к и н. Актриса знаменитая!

И в а н. Да-с, которые господа видели, так ужасно как ихнюю игру одобряют, даже вне себя приходят.

Д у д у к и н. Мне до вашего хозяина дела нет; да за наш город-то стыдно: мм здешние обыватели. Где-нибудь, в другом губернском городе, будет Елена Ивановна говорить, что и поместить-то, и накормить-то не умели; приятно это нам будет!

Входит Коринкина. Иван уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дудукин и Коринкина.

К о р и н к и н а. А! Вы здесь! Ну, да, конечно, где же вам и быть!

Д у д у к и н. Ах, красавица моя!

К о р и н к и н а. Что такое за красавица! Что за фамилиарность! У меня есть имя и отчество!

Д у д у к и н. Позвольте вам доложить, Нина Павловна, что вы напрасно гневаться изволите. Я даже обязан быть здесь.

К о р и н к и н а. Скажите, пожалуйста! Обязан! Зачем это, позвольте вас

спросить?

Д у д у к и н. Приехала известная артистка; она в первый раз в нашем городе, никого здесь не знает; я, как представитель здешней интеллигенции...

К о р и н к и н а. Ах, оставьте глупости! Какая интеллигенция! Просто появилась новая юбка в городе, вот вы и растаяли. (Со смехом.)

Обязанности! Отличные у вас обязанности!

Д у д у к и н. Ревнуете, бесценная моя?

К о р и н к и н а. Ревновать вас? Не смешите, пожалуйста! Мне просто стыдно за вас: как увидите женщину, так и губы распустите. О, противность какая!

Д у д у к и н. Вы только за этим и приехали сюда, мое блаженство?

К о р и н к и н а. Опять вы "мое блаженство"! (Топает ногой.) Ну, слушайте. У меня сейчас собираются некоторые артисты; мы хотим серьезно поговорить об одном деле, и вы должны тут присутствовать. Я вас везде искала, по всему городу ездила.

Д у д у к и н. Что же это за конгресс у вас собирается, и об чем дебаты будут?

К о р и н к и н а. Вы слышали, что вчера наделал Незнамов?

Д у д у к и н. Не только слышал, но почти был свидетелем этого назидательного спектакля; немного опоздал, о чем весьма сожалею.

К о р и н к и н а. Он в буфете, во время спектакля, избил Мухобоева.

Д у д у к и н. И прекрасно сделал.

К о р и н к и н а. Да ведь Мухобоев почтенный человек, он градским головою хотел быть.

Д у д у к и н. Как ему не хотеть! Да общество-то захочет ли?

К о р и н к и н а. Да ведь это два бельэтажа и несколько кресел в каждый бенефис. Он теперь и в театр не заглянет. Вот мы и собираемся писать письмо Мухобоеву, что Незнамова мы нашим товарищем не признаем и будем требовать от антрепренера его увольнения. Да и я не хочу, чтобы Незнамов вместе со мной служил.

Д у д у к и н. Да вы-то что так уж очень гневаетесь на него, мое очарование?

К о р и н к и н а. Ах, он невыносим, невозможен! У него острый и злой язык и самый дурной характер; как только артисты сойдутся вместе, особенно если ему попадет лишняя рюмка, так и пошел, и пошел... и уж непременно придерется к кому-нибудь. А какие он вещи говорит женщинам! Невыносимо, невыносимо! Так бы вот и убила его.

Д у д у к и н. Обижает вас, сочиняет про вас небылицу, выдумывает? За это действительно убить следует.

К о р и н к и н а. Да положим, что и не выдумывает; пожалуй, все это правда, что он говорит; да зачем? Кто его просит? Он моложе всех в труппе, ему ли учить! Мы собираемся, чтоб провести время весело, а

совсем не затем, чтоб слушать его проповеди. Коли что знаешь, так и знай про себя. Он только отравляет наше общество. Как я рада буду, если мы от него отделаемся. Такой молодой, еще совсем мальчик, и такой раздражительный!

Д у д у к и н. Раздражали его, так он стал раздражительный. А ему-то самому жизнь сладка ли, спросите?

К о р и н к и н а. Пожалуйста, не заступайтесь. Вы здесь останетесь, конечно? Вот вам полчаса сроку для разговоров с Кручининой, впрочем, и четверти часа довольно. Потом заедете за моими ботинками в магазин и в кондитерскую за конфетами, и в двенадцать часов чтоб у меня, ни раньше, ни позже! Слышите, в двенадцать часов! Если вы опоздаете хоть пять минут, то дверь будет заперта для вас.

Д у д у к и н. И надолго?

К о р и н к и н а. Навсегда. Я с вами затолковалась, а меня Миловзоров на дрожках дожидается.

Д у д у к и н. Без провожатых не можете?

К о р и н к и н а. Уж не ревность ли? Вот еще новости! Ведь он у нас первый любовник в театре; мы с ним каждый день в любви объясняемся; пора бы вам привыкнуть.

Д у д у к и н. Так уж пускай бы он вашим любовником только на сцене и оставался. Вы в провожатые лучше комиков берите, с ними веселее.

К о р и н к и н а. Это вам веселье-то нужно, вы только пустяками и занимаетесь, а я женщина серьезная. Так сказано вам, что в двенадцать часов, чтоб так и было. До свиданья.

Д у д у к и н. Ну, что уж, на крыльях прилечу!

Коринкина уходит. Входит Иван.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дудукин, Иван, потом Кручининая.

И в а н. Елена Ивановна приехали.

Д у д у к и н. Вот и прекрасно.

Входит Кручининая.

К р у ч и н и н а. Нил Стратоныч, очень рада вас видеть. Извините, я вас на минуточку оставляю, шляпку сниму.

И в а н. Тут артисты вас два раза спрашивали.

К р у ч и н и н а. Какие?

И в а н. Не так чтобы очень, не из первых сортов.

К р у ч и н и н а. Где ж они?

И в а н. Здесь, на бильярде играют.

К р у ч и н и н а. Ну, пускай играют, пригласи их после. (Уходит в дверь направо.)

Д у д у к и н. Как же тебе, братец, не стыдно: ты артистов не знаешь.

И в а н. Как их? О, чтоб... И помнил, да забыл. Один-то даже в чужом пальте, не по росту ему, с большого человека надето.

Д у д у к и н. Шмага?

И в а н. Он, он самый.

Входит Кручинина. Иван уходит.

К р у ч и н и н а. Как вам не стыдно, Нил Стратоныч! Вы опять с приношениями, вы меня уж очень балуете. Мне, право, совестно; каждый день что-нибудь; вот сегодня чаю, икры привезли.

Д у д у к и н. Да ведь надо же вам чем-нибудь питаться; гостиницы у нас в плохом состоянии. А что такое эти безделки: чай, да икра, да и все наши букеты и лавры. Об них и говорить-то не стоит. Все это очень малая плата за то счастье, за те наслаждения, которые вы нам доставляете своим талантом.

К р у ч и н и н а. Все говорят, что вы очень добрый человек.

Д у д у к и н. Это во мне есть, только ведь это качество наследственное, от родителей, а моей заслуги тут никакой нет-с. Да ведь это дарование не очень важное! Если б и доброты-то во мне не было, так куда ж бы я годился!

К р у ч и н и н а. Нет, хорошее качество, хорошее.

Д у д у к и н. Дешевенькое-с, мне оно никакого труда не стоит.

К р у ч и н и н а. Тем-то оно и дорого.

Д у д у к и н. Уж это вам как угодно, спорить не смею. Я человек ограниченный, ни к каким занятиям, даже и хозяйственным, неспособный; так чтобы уж не быть совсем без дела, я себе и избрал специальность - улаживать жизнь артистов.

К р у ч и н и н а. И артисток?

Д у д у к и н. И артисток. Заедет труппа, например, хоть в наш город, увеселять людей, ровно ничего не делающих, ничем не интересующихся и ничего не желающих, и сядут, как раки на мели. Обыватели у нас большею частью люди солидные, тяжеловесные, богатые, благотворительные, степенные и даже первостепенные.

К р у ч и н и н а. Чего же еще!

Д у д у к и н. Но относительно нравов и умственного развития находятся еще в самом первобытном невежестве и о существовании драматического искусства имеют представления самые смутные. А ведь артисты народ необеспеченный; по-европейски сказать, пролетарии, а по-нашему, по-

русски, птицы небесные: где посыпано крупки, там клюют, а где нет - голодают. Как же к ним не иметь сожаления?

К р у ч и н и н а. Ну, к артисткам-то влечет вас, я думаю, не одно сожаление?

Д у д у к и н. Да-с, да-с. Совершенно справедливо. Ничего такого возвышенного во мне нет, а грехов много. Обыкновенный старичок, дюжинный, много нас таких-то. У губернатора изволили быть?

К р у ч и н и н а. Да, благодарить его ездила. Вчера во время спектакля в театральном буфете вышел скандал, в котором обвиняют артиста Незнамова. Антрепренер прибежал ко мне в уборную встревоженный и объявил, что Незнамову грозит беда, что он держится в труппе только вследствие снисходительности губернатора, который уж и прежде обещал выслать его из города, если он будет производить скандалы, так как это случалось с ним не раз, да и паспорт у него не в исправности. После спектакля губернатор пришел на сцену: тут я его и просила за Незнамова; он сказал, что Незнамова следовало бы проучить, но что для меня он готов оставить это дело без внимания, если оно кончится миром. Оно, кажется, уж и кончилось. Скажите, что это за история, и что такое этот Незнамов? Он, кажется, еще очень молодой человек?

Д у д у к и н. Я изложу вам краткую биографию его, как он мне сам передавал. Ни отца, ни матери он не помнит и не знает, рос и воспитывался он где-то далеко, чуть не на границах Сибири, в доме каких-то бездетных, но достаточных супругов из мира чиновников, которых долгое время считал за родителей. Его любили, с ним обращались хорошо, хотя не без того чтобы под сердитую руку не попрекнуть его незаконным происхождением. Разумеется, он их слов не понимал и разобрал их значение только впоследствии. Его даже учили: он бегал в какой-то дешевенький пансион и получил порядочное для провинциального артиста образование. Так он прожил лет до пятнадцати, потом начались страдания, о которых он без ужаса вспомнить не может. Чиновник умер, а вдова его вышла замуж за отставного землемера, пошло бесконечное пьянство, ссоры и драки, в которых прежде всего доставалось ему. Его прогнали в кухню и кормили вместе с прислугой; часто по ночам его выталкивали из дому, и ему приходилось ночевать под открытым небом. А иногда от брани и побоев он и сам уходил и пропадал по неделе, проживал кой-где с поденщиками, нищими и всякими бродягами, и с этого времени, кроме позорной брани, он уж никаких других слов не слышал от людей. В такой жизни он озлобился и одичал до того, что стал кусаться как зверь. Наконец, в одно прекрасное утро его из дому совсем выгнали; тогда он пристал к какой-то бродячей труппе и переехал с ней в другой город. Оттуда его, за неимение законного вида, отправили по этапу на место жительства. Документы его оказались затерянными; волочили, волочили его, наконец выдали какую-то копию с явочного прошения, с которой он и

стал переезжать с антрепренерами из города в город, под вечным страхом, что каждую минуту полиция может препроводить его на родину.

К р у ч и н и н а. Его зовут Григорий...

Д у д у к и н. Да, Григорий.

К р у ч и н и н а. А много ли ему лет?

Д у д у к и н. Года двадцать три.

К р у ч и н и н а. Не меньше?

Д у д у к и н. Никак не меньше. Почему вас это интересует?

К р у ч и н и н а. Так, некоторое совпадение... Да вы не обращайтесь внимания; это фантазия. Извините, что вас перебиваю.

Д у д у к и н. Что касается вчерашней истории, так это дело обыкновенное; такие истории у нас часто случаются. Вчера один из наших почтенных обывателей, Мухобоев, так увлекся вашей игрой, что запил с первого акта. Стал шуметь в буфете, приставать ко всем, потчевать всех, целовать. Тут случился и Незнамов, он и к нему стал приставать. Незнамов, чтоб отвязаться, хотел уйти из буфета; тогда Мухобоев стал ругаться и оскорбил Незнамова самым чувствительным образом.

К р у ч и н и н а. За что же?

Д у д у к и н. За то, что тот пить отказался. Я, говорит, ему честь делаю, хочу с ним выпить, а он, какой-то подзаборник, еще смеет отказываться.

К р у ч и н и н а. Что такое "подзаборник"?

Д у д у к и н. Ребенок, брошенный, подкинутый к чужому крыльцу или забору.

К р у ч и н и н а. Как это глупо! Неужели еще находятся такие люди, которые позволяют себе подобные выходки?

Д у д у к и н. К несчастью, много их находится. Вслед за этой обидой началось должное возмездие: из почтенного Мухобоева Незнамов сделал что-то вроде отбивной котлетки. Сначала Мухобоев рассвирепел, хотел жаловаться, хотел сослать Незнамова в Сибирь, но добрые люди его скоро уговорили, и все кончилось примирением и общей выпивкой. Между тем на шум явилась полиция, и дело могло кончиться очень дурно для Незнамова, если б не ваше заступничество. А как вы вчера играли! Немудрено, что люди запивают от восторга. Как вы верно передали чувство матери!

К р у ч и н и н а. На то я актриса, Нил Стратоныч!

Д у д у к и н. Но чтоб верно представить положение, надо прочувствовать, пережить если не то самое, так хоть что-нибудь подобное.

К р у ч и н и н а. Ах, Нил Стратоныч, я столько пережила и перечувствовала, что для меня едва ли какое-нибудь драматическое положение будет новостью.

Д у д у к и н. Значит, лавры-то не дешево достаются?

К р у ч и н и н а. Лавры-то потом, а сначала горе да слезы.

Д у д у к и н. Но чувство матери, эта страстная любовь к сыну, это

отчаяние...

К р у ч и н и н а. И я была матерью, и я так же видела умирающего сына, как леди Микельсфильд, которую я вчера играла. Только мой сын умер еще ребенком. (Утирает слезы.)

Д у д у к и н. Ну, вот я вас и плакать заставил; извините, пожалуйста.

К р у ч и н и н а. Ничего, иногда и поплакать хорошо; я теперь не часто плачу. Я еще вам благодарна, что вы вызвали во мне воспоминания о прошлом; в них много горького, но и в самой этой горечи есть приятное для меня. Я не бегу от воспоминаний, я их нарочно возбуждаю в себе: а что поплачу, это не беда: женщины любят поплакать. Я вчера объезжала ваш город: он мало изменился; я много нашла знакомых зданий и даже деревьев и многое припомнила из своей прежней жизни и хорошего и дурного.

Д у д у к и н. Так вы у нас не в первый раз?

К р у ч и н и н а. Нет, я и родилась здесь, и провела почти всю молодость. Я сначала хотела мимо проехать - меня ждут в Саратове и в Ростове; но ваш антрепренер узнал о моем проезде и упросил меня сыграть несколько спектаклей, чтобы поднять сборы, которые у него плохи, и я не жалею, что здесь осталась.

Д у д у к и н. Вы давно ли уехали отсюда?

К р у ч и н и н а. Ровно семнадцать лет.

Д у д у к и н. И вы не встретили никого знакомых или родных, и вас никто не узнал?

К р у ч и н и н а. Родных у меня нет; жила я скромно, почти не имела знакомства, так и узнать меня некому. Вчера я проезжала мимо того дома, где жила, велела остановиться и подробно осмотрела все: крыльцо, окна, ставни, забор, даже заглядывала в сад. Боже мой! Сколько у меня в это время разных воспоминаний промелькнуло в голове. У меня уж слишком сильно воображение и, кажется, в ущерб рассудку.

Д у д у к и н. Это не порок-с, это у многих женщин есть.

К р у ч и н и н а. Мне ничего не стоит перенестись за семнадцать лет назад; представить себе, что я сижу в своей квартире, работаю; вдруг мне стало скучно, я беру платок, накрываюсь и бегу навестить сына; играю с ним, разговариваю. Я его так живо представляю себе. Это, должно быть, от того, что я не видала его мертвым, не видала в гробу, в могиле.

Д у д у к и н. Как же это случилось? Извините, что я вызываю вас на откровенность.

К р у ч и н и н а. Я не боюсь быть откровенной с вами; вы такой добрый. Это случилось вот как: мне сказали, что мой сын захворал, в то самое время, когда я узнала, что отец его мне изменяет и потихоньку от меня женится на другой. Я и без того была потрясена, разбита, уничтожена, а тут еще болезнь ребенка. Я бросилась к нему и увидела ребенка уж без признаков жизни: передо мной был посиневший труп; дыхания уже не

было, а только слышалось едва уловимое хрипение в горле. Я кинулась его обнимать, целовать и упала без чувств. Так в обмороке меня и доставили домой, а к вечеру у меня открылся сильный дифтерит. Я прохворала месяца полтора и едва еще держалась на ногах, когда моя бабушка, единственная моя родственница, и то дальняя, увезла меня к себе в деревню. Там мне подали, наконец, письмо, в котором меня извещали, что сын мой умер и похоронен отцом, что малютка теперь на небесах и молится за родителей. Письмо это было писано давно, но его от меня скрывали. Потом мы с бабушкой поехали в Крым, где у нее было маленькое имение, и прожили там три года в совершенном уединении.

Д у д у к и н. А дальнейшая ваша жизнь?

К р у ч и н и н а. Она представляет мало интереса. Я с бабушкой много странствовала, жила и за границей, и довольно долго; потом бабушка умерла и оставила мне значительную часть наследства. Я стала довольно богата и совершенно независима, но от тоски не знала, куда деться.

Подумала, подумала и пошла в актрисы. Играла я больше на юге и в этой стороне не была ни разу. Вот теперь заехала сюда случайно и вспомнила живо и свою юность, и своего сына, о котором и плачу, как вы видите; я ведь странная женщина: чувство совершенно владеет мною, захватывает меня всю, и я часто дохожу до галлюцинаций.

Д у д у к и н. Лечиться надобно, Елена Ивановна; нынче против воображения есть довольно верные средства: с большим успехом действуют.

К р у ч и н и н а. Да я не хочу лечиться; мне приятна моя болезнь. Мне приятно вызывать образ моего сына, приятно разговаривать с ним, приятно думать, что он жив. Я иногда с каким-то испугом, с какой-то дрожью жду, что вот-вот он войдет ко мне.

Д у д у к и н. Да если б он и вошел, так ведь вы бы его не узнали.

К р у ч и н и н а. Нет, мне кажется, узнаю, сердце скажет.

Д у д у к и н. Да вы его воображаете ребенком, а ему теперь, если б он был жив, было бы двадцать лет. Ну представьте, что мечты ваши сбылись, что вы увидите вашего сына... Вот вам сказали, что сейчас он войдет сюда...

К р у ч и н и н а. Ах, ах! (Закрывает лицо руками.)

Д у д у к и н. Вы представляете себе улыбающееся, ангельское личико с беленькими шелковыми кудрями.

К р у ч и н и н а. Да, да, с шелковыми кудрями.

Д у д у к и н. И вдруг вваливается растрепанный шалопай, вроде Незнамова, небритый, с букетом грошовых папирос и коньяку.

К р у ч и н и н а. Ах, нет! Ах, довольно, оставьте! Этим не шутят.

Д у д у к и н. Да я и не шучу; я вам докладываю сущую правду. Нехорошо, Елена Ивановна, думать и сокрушаться о том, что было семнадцать лет тому назад; нездорово. Вы много дома сидите, вам нужно развлечение, нужно повеселее жизнь вести. (Взглянув на часы.) Ай, ай, как я

заговорился с вами. (Встает, взглянув на камин.) Однако у вас посетителей-то довольно было!

К р у ч и н и н а. Это только карточки, Иван их на камин складывает, а я почти никого не принимаю.

Д у д у к и н (взяв одну карточку). Григорий Львович Муров.

К р у ч и н и н а. Как! Что вы прочли?

Д у д у к и н. Муров, Григорий Львович. Если вы его прежде знали, так теперь не узнаете. Важным барином стал, разбогател страшно и один из главных воротил в губернии. До свидания, совершеннейшая из женщин. (Целует руку у Кручининой.) Я вас так и буду называть совершенством.

К р у ч и н и н а. До свидания, Нил Стратоныч!

Дудукин уходит.

Иван!

Входит Иван.

Дома ли я, нет ли, господина Мурова никогда не принимай! Слышишь? И в а н. Слушаю-с. (Уходит.)

К р у ч и н и н а. Муров разбогател, стал большим барином, важным лицом в губернии; а как жалок, сконфужен, как ничтожен он был, когда мы виделись в последний раз, когда я выгнала его из моей квартиры. Все это так живо мне представляется, как будто происходило вчера. Накануне этого рокового дня я навещала Гришу. (Закрывает рукой глаза.) Архиповна стояла с ним у окна, закрыв его до половины своим шейным платком. Когда я подошла, он забарабанил пальчиками по стеклу и спрятался под платок; потом выглянул и расхохотался. Прыгает так, что Архиповна едва удержать его может, ручонками машет, щечки разгорелись Ну вот, вот он; я как сейчас его вижу!

Входят Незнамов и Шмага, доедая кусок бутерброда.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кручинина, Незнамов и Шмага.

К р у ч и н и н а (с испугом отступает). Ах!

Н е з н а м о в. Ничего, чего вы боитесь?

К р у ч и н и н а. Извините.

Н е з н а м о в. Не бойтесь! Я ваш собрат по искусству, или, лучше сказать, по ремеслу. Как вы думаете: по искусству или по ремеслу?

К р у ч и н и н а. Как вам угодно. Это зависит от взгляда.

Н е з н а м о в. Вам, может быть, угодно считать свою игру искусством, мы вам того запретить не можем. Я откровеннее, я считаю свою профессию ремеслом, и ремеслом довольно низкого сорта.

К р у ч и н и н а. Вы вошли так неожиданно.

Н е з н а м о в. Да уж мы в другой раз сегодня...

К р у ч и н и н а. Ах, да, мне сказывали.

Н е з н а м о в. Значит, не совсем неожиданно. Я говорю: мы - потому что я с другом. Вот рекомендую! Артист Шмага! Комик в жизни и злодей на сцене. Вы не подумайте, что он играет злодеев; нет, это не его амплуа. Он играет всякие роли и даже благородных отцов; но он все-таки злодей для всякой пьесы, в которой он играет. Кланяйся, Шмага!

Шмага кланяется.

К р у ч и н и н а. Что вам угодно, господа?

Н е з н а м о в. Нам угодно поговорить с вами. Но, разумеется, вы можете сейчас же нас выгнать вон, вы на это имеете полное право. Не стесняйтесь с нами.

К р у ч и н и н а. Нет, зачем же! Милости прошу! Садитесь, господа!

Н е з н а м о в. Сядем, Шмага! Не всегда нас так учтиво принимают.

Садятся. Шмага разваливается в кресле очень свободно.

Дело, собственно, касается меня; но я предоставляю говорить Шмаге, потому что он красноречивее.

Ш м а г а. Мы слышали от нашего патрона, что вы говорили на сцене с губернатором.

К р у ч и н и н а. Да, я говорила.

Ш м а г а. Вы просили за Гришку Незнамова?

К р у ч и н и н а. Да, и губернатор обещал, что на этот раз он не примет никаких мер, неприятных для господина Незнамова.

Ш м а г а. Но позвольте, позвольте! Какое же вы имели право просить за Гришку? Он вас не приглашал в адвокаты.

К р у ч и н и н а. Я не понимаю, господа, что вам угодно от меня. Мне сказали, что господину Незнамову грозит большая неприятность...

Н е з н а м о в. Ну, так что ж? Вам-то что за дело?

К р у ч и н и н а. Но если я имею возможность без особенного труда избавить кого бы то ни было от неприятности, так я должна это сделать непременно. Я считаю это не правом, а обязанностью, даже долгом.

Н е з н а м о в (с улыбкой). Счастливить людей, благодетельствовать?

Ш м а г а (смеется). И притом без большого труда. Нет, уж вы счастливьте кого угодно, только (грозя пальцем) не артистов. (Разваливается еще более.) Артист... горд!

К р у ч и н и н а (вставая). Ну, что ж делать! Извините! Я поступаю так, как мне велит моя совесть, как мне указывает сердце; других побуждений у меня нет. Оправдывать себя я не считаю нужным: можете думать обо мне, что вам угодно.

Н е з н а м о в. Я вам предлагал прогнать нас; это было бы для вас покойнее.

К р у ч и н и н а. Нет, зачем же гнать! Я и теперь вас не прогоню. И обид, и оскорблений, и всякого горя я видела в жизни довольно; мне не привыкать стать. Мне теперь больно и в то же время интересно; я должна узнать нравы и образ мыслей людей, с которыми меня свела судьба. Говорите, говорите все, что вы чувствуете!

Н е з н а м о в. Да-с, я говорить буду. Вот уж вы и жалуетесь, уж вам и больно. Но ведь вы знали и другие ощущения; вам бывало и сладко, и приятно; отчего ж, для разнообразия, не испытать и боль! А представьте себе человека, который со дня рождения не знал другого ощущения, кроме боли, которому всегда и везде больно. У меня душа так наболела, что мне больно от всякого взгляда, от всякого слова; мне больно, когда обо мне говорят, дурно ли, хорошо ли, это все равно; а еще больнее, когда меня жалеют, когда мне благодетельствуют. Это мне нож острый! Одного только я прошу у людей: чтоб меня оставили в покое, чтоб забыли о моем существовании!

К р у ч и н и н а. Я не знала этого.

Н е з н а м о в. Ну, так знайте же и не расточайте ваших благодеяний так щедро, будьте осторожнее! Вы хотели избавить меня от путешествия по этапу? Для чего вам это? Вы думаете, что оказали мне услугу? Нисколько. Мне эта прогулка знакома; меня этим не удивишь! Я уж ходил по этапу чуть не ребенком, и без всякой вины с моей стороны.

Ш м а г а. За бесписьменность, виду не было. Ярлычок-то забыл захватить, как его по имени звать, по отчеству величать, как по чину место дать во пиру, во беседе.

Н е з н а м о в. Вот видите! И он глумится надо мной! И он вправе; я ничто, я меньше всякой величины; а он что-нибудь, он какая-то единица, у него есть звание, есть вид. На этом виде значится: "Сын отставного канцеляриста; исключен из уездного училища за дурное поведение; продолжал службу в сиротском суде копиистом и уволен за нерадение; под судом был по прикосновенности по делу о пропаже камлотовой шинели и оставлен в подозрении". Ну, разве не восторг иметь такой документ! У него вид чистый, он счастливее, он всякому может прямо смотреть в глаза, всякому может сказать, кто он и что он. Какая мне радость, что я по вашей милости останусь здесь, в этом городишке? Из театра меня гонят и выгонят; что же я за фигуру буду представлять из себя? Бродяга, не помнящий родства, и человек без определенных занятий! Но в таком звании нигде нельзя жить, ни в каком городе; или уж везде, но только на

казенной квартире, то есть в местах заключения. Я не вор и наклонности к этому занятию не чувствую. Я не разбойник, не убийца, во мне кровожадных инстинктов нет; но все-таки я чувствую, что по какой-то покатости, без участия моей воли, я неудержимо влекусь к острогу. Таких людей лучше не трогать: благодеяния озлобляют их еще больше.

К р у ч и н и н а. Ах, да отчего же, отчего же?

Н е з н а м о в. Да вот, например: мне совсем не до вас; существуете вы на свете, или нет вас - мне решительно все равно; мы друг другу чужие, ну, и шли бы каждый своей дорогой. А вы навязываетесь с благодеяниями и напрашиваетесь на благодарность. Ну, положим, благодарить вас я не стану; так ведь все равно мне товарищи покоя не дадут. При всяком удобном случае каждый напомнит мне о вашем благодеянии. "Благодари Кручинину, что ты с нами! Кабы не Кручинина, странствовать бы тебе!" И так надоедят мне, что я принужден буду вас возненавидеть. А я этого не желал, я желал оставаться к вам равнодушным. Я понимаю, что благодетельствовать очень заманчиво, особенно если вас все осыпают любезностями и ни в чем вам не отказывают, но не всегда можно рассчитывать на благодарность, иногда можно наткнуться и на неприятность.

К р у ч и н и н а. И довольно часто. Я это знаю.

Н е з н а м о в. И все не понимаетесь?

К р у ч и н и н а. И не уймуся никогда, потому что чувствую потребность делать добро.

Н е з н а м о в. Это довольно странно. Поуняться не мешало бы.

К р у ч и н и н а. Ну, вот что, господа! Я выслушала вас терпеливо; в том, что своей услугой я сделала вам неприятность, я извиняюсь перед вами. Но, господин Незнамов, вы очень дурно воспользовались моей снисходительностью; вы могли говорить только о своем деле, а вы позволили себе обсуждать мои поступки и давать мне советы. Вы еще очень молоды, вы совсем не знаете жизни; вас окружали с детства, да и теперь окружают люди, далеко не лучшие. Делать заключения вообще о людях вы не смеете, потому что хороших людей вы почти не видали и среди их не жили. Вы видели жизнь только...

Ш м а г а. Из подворотни?

К р у ч и н и н а. Я не то хотела сказать.

Ш м а г а. Отчего же? Нет, так лучше, вернее.

Н е з н а м о в. Все равно, не в словах дело.

К р у ч и н и н а. Я опытнее вас и больше жила на свете; я знаю, что в людях есть много благородства, много любви, самоотвержения, особенно в женщинах.

Н е з н а м о в. Будто?

К р у ч и н и н а. Вы ничего этого не видали?

Н е з н а м о в. Не случилось.

К р у ч и н и н а. Очень жаль.

Н е з н а м о в. Где ж такие редкостные экземпляры находятся?

К р у ч и н и н а. Везде, стоит только поискать; они не редки, их много. Да вот, недалеко ходить, вы знаете, что такое сестры милосердия?

Н е з н а м о в. Знаю.

К р у ч и н и н а. Что побуждает их переносить лишения, невероятные труды, опасности?

Н е з н а м о в. Я этого не знаю.

К р у ч и н и н а. Да и не одни сестры милосердия, есть много женщин, которые поставили целью своей жизни - помогать сиротам, больным, не имеющим возможности трудиться, и вообще таким, которые страдают не по своей вине... Да нет, этого мало... Есть такие любящие души, которые не разбирают, по чужой или по своей вине человек страдает, и которые готовы помогать даже людям...

Н е з н а м о в. Вы ищете слова? Не церемоньтесь, договаривайте.

К р у ч и н и н а. Даже людям безнадежно испорченным. Вы знаете, что такое любовь?

Н е з н а м о в. Из романов знаю.

К р у ч и н и н а. Вас любил кто-нибудь?

Н е з н а м о в. Как вам сказать... Настоящим образом нет... Меня нельзя любить.

К р у ч и н и н а. Почему?

Н е з н а м о в. Да за что же любить человека безнадежно испорченного? Что за интерес? Разве с целью исправить? Так, во-первых, не всякого можно исправить; а во-вторых, не всякий позволит, чтоб его исправляли.

К р у ч и н и н а. Можно и такого любить.

Н е з н а м о в. Сомневаюсь.

К р у ч и н и н а. Разве сестры милосердия, со всей любовью, ухаживают только за теми, кого можно вылечить? Нет, они еще с большей любовью заботятся и о безнадежных, неизлечимых. Теперь вы, вероятно, согласитесь, что бывают женщины, которые делают добро без всяких расчетов, а только из чистых побуждений. Отвечайте мне. Бывают?

Н е з н а м о в (потупясь). Да, бывают.

К р у ч и н и н а. С меня и довольно. Вы раздражены, расстроены; подите успокойтесь и подумайте о том, что вы сейчас сказали!

Н е з н а м о в. Ну, Шмага, пойдем! Мы свое дело сделали - пришли и нагрубили хорошей женщине. Чего ж еще ждать от нас!

Ш м а г а. Грубить - это твое дело, а я человек деликатный. Что такое был наш разговор? Это только прелюдия, серьезное будет впереди. Я имею другую тему, у меня теперь пойдет мотив в минорном тоне. Но без свидетелей мне будет удобнее.

Н е з н а м о в. Нет, нет, говори при мне, а то я тебя знаю.

Ш м а г а. Мадам, мы пришли в гостиницу, чтоб объясниться с вами по

делу, вам известному, но вы были заняты. Ну, знаете ли, увлечение молодости, буфет, бильярд... соблазн... и при всем том недостаток средств. Вам, конечно, известно, что такое бедный артист. Одним словом, мы задолжали в буфете.

Н е з н а м о в (строго). Что, что?

К р у ч и н и н а. Не беспокойтесь, я велю сейчас заплатить. (Незнамову.)

Пожалуйста, не претендуйте, доставьте мне это удовольствие.

Ш м а г а. Да-с... мерси! Впрочем, иначе и быть не может; вам и следует заплатить. Мы не виноваты, что вы не могли нас принять. Не в передней же нам ждать. Мы артисты, наше место в буфете.

Н е з н а м о в. Ну, поговорил, и будет. Пойдем, марш!

Ш м а г а. Ах, Гришка, оставь! Оставь, говорю я тебе! (Кручининой.) Но я вам должен сказать, мадам, что и дальнейшее наше существование не обеспечено. Вы - знаменитость, вы получаете за спектакль чуть не половину сбора; а еще неизвестно, от кого зависит успех пьесы и кто делает сборы, вы или мы. Так не мешало бы вам поделиться с товарищами.

Незнамов молча берет Шмагу сзади за воротник и ведет его к двери.

Ш м а г а (на ходу оборачиваясь то в ту, то в другую сторону). Гриша, Гриша!

Н е з н а м о в (проводив Шмагу до двери). Уходи!

Шмага быстро скрывается.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кручинина и Незнамов.

К р у ч и н и н а. Вам стыдно за вашего товарища?

Н е з н а м о в. Нет, за себя.

К р у ч и н и н а. Зачем же вы дружитесь с таким человеком?

Н е з н а м о в. А где ж я, в моем звании, других-то возьму? Его, конечно, нельзя читать образцом нравственности; он не задумается за грош продать лучшего своего друга и благодетеля, но ведь, сколько мне известно, очень многие артисты не лишены этой слабости. Зато он имеет и неоцененные достоинства; он не зябнет в легком пальто в трескучие морозы, он не жалуется на голод, когда ему есть нечего, он не сердится, когда его ругают и даже бьют. То есть он, может быть, в душе и сердится, но ничем своего гнева не обнаруживает.

К р у ч и н и н а. Он и зимой в летнем пальто ходит?

Н е з н а м о в. Вот как вы его видели, весь его гардероб тут.

К р у ч и н и н а (достаёт из портмоне десятирублевую бумажку).
Передайте ему, пожалуйста, от меня.
Н е з н а м о в. Что вы, что вы! Не надо. Он их пропъет сейчас же.
К р у ч и н и н а. Ну, да уж как он хочет.
Н е з н а м о в. Это даром брошенные деньги.
К р у ч и н и н а. Да ведь ему приятно будет получить их?
Н е з н а м о в. Еще бы! Конечно, приятно.
К р у ч и н и н а. Ну, вот я представляю, как ему будет приятно, и мне самой делается приятно. Я люблю дарить. Да, вот что я вас попрошу. Не можете ли вы купить ему пальто готовое, получше? Деньги, сколько нужно, я заплачу. Вы потрудитесь?
Н е з н а м о в. Да тут и труда нет никакого. (Кланяется.)
К р у ч и н и н а. До свиданья.
Н е з н а м о в (помолчав). Позвольте мне у вас руку поцеловать!
К р у ч и н и н а. Ах, извольте, извольте!
Н е з н а м о в. То есть вы мне протянете ее, как милостыню. Нет, если вы чувствуете ко мне отвращение, так скажите прямо.
К р у ч и н и н а. Да нет же, нет; я очень рада.
Н е з н а м о в. Ведь, в сущности, я дрянь, да еще подзаборник.

Незнамов берет руку Кручининой.

К р у ч и н и н а (отвернувшись, тихо). Не говорите этого слова; я не могу его слышать.

Незнамов целует ее руку. Она прижимает его голову к груди и крепко целует.

Н е з н а м о в. Что вы, что вы! За что?

К р у ч и н и н а. Извините!

Н е з н а м о в. Вы же еще просите извинения! Эх, бог с вами! (Уходит.)

Иван в дверях: "Ступай, ступай! Сказано, что не принимают!"

К р у ч и н и н а. Иван, с кем ты там?

Входит Иван.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Кручинина, Иван, потом Галчиха.

И в а н. Тут, сударыня, одна полоумная попрошайка все таскается, господам надоедает.

К р у ч и н и н а. Я дам ей что-нибудь.

И в а н. Да ведь она повадится, от нее не отвяжешься. Нет, я ее спроважу лучше. (Уходит.)

К р у ч и н и н а (заглянув в дверь). Ах, ах! Кто это? Это она! Веди, веди ее сюда, Иван!

Входят Иван и Галчиха.

Архиповна! Узнаешь ты меня?

Г а л ч и х а. Как не узнать, ваше сиятельство; в прошлом году тоже не оставили своей милостью бедную старуху, сироту горькую.

К р у ч и н и н а. Ты погляди на меня хорошенько, погляди!

Г а л ч и х а. Виновата, матушка, запоматовала. В запрошлом году сапожки-то пожаловали... Как же, помню...

К р у ч и н и н а. Иван, кто это? Как ее зовут? Арина Галчиха?

И в а н. Она самая-с.

К р у ч и н и н а. Ну, ступай!

Иван уходит.

Где похоронили моего Гришу? (Берет Галчиху за плечи.) Моего ребенка, моего ребенка?

Г а л ч и х а. Не занимаюсь, матушка, годов пятнадцать не занимаюсь. А было время, брала ребят, брала деньги; жила ничем невредима, а теперь бедствую; без роду, без племени, сирота круглая.

К р у ч и н и н а. Да ты взглядишь в меня, взглядишь хорошенько!

Г а л ч и х а. Матушка, да никак... неужто ж вы... как это... Любовь Ивановна, что ли?

К р у ч и н и н а. Да, я, я, она самая...

Г а л ч и х а. Ну, как же, помню, матушка! Благодетельница!

К р у ч и н и н а. Поедем же на могилку, поедем!

Г а л ч и х а. Куда, матушка, на какую?

К р у ч и н и н а. Сын был у меня, сын.

Г а л ч и х а. Да, да, сын, точно... Как его звали-то? Много у меня ребят-то было, много. Генерала Быстрова помните? Всех детей принимала.

К р у ч и н и н а. Да не то: все не то ты говоришь.

Г а л ч и х а. А то вот еще купцы были богатейшие у Здвиженья; так сама-то без меня ничего. Я ее и пользовала.

К р у ч и н и н а. Да нет, мой сын, мой сын!
Г а л ч и х а. Да я про то ж и говорю; и ваш сын... А то еще вдова; за рекой дом, такой большущий и мезонин... и в этом мезонине...
К р у ч и н и н а. Да не то... Сын мой, Гриша...
Г а л ч и х а. Гриша? Да, да, помню...
К р у ч и н и н а (сажая Галчиху на стул). Еще он тогда захворал; захворал вдруг страшной болезнью. Захрипел, ну, помнишь? И умер.
Г а л ч и х а. Выздоровел, матушка! Бог дал, выздоровел!
К р у ч и н и н а. Что ты говоришь, Архиповна! Пожалей ты меня!
Г а л ч и х а. Выздоровел, выздоровел!
К р у ч и н и н а. А потом, что потом?
Г а л ч и х а. Потом бедность меня одолела. Как в те поры хорошо жила, всего было довольно; а тут и нет ничего. Хоть бы из одежонки что-нибудь пожаловали.
К р у ч и н и н а. Да вот деньги, вот! Все отдам, только говори! (Кладет на стол деньги.) Где Гриша, что вы с ним сделали?
Г а л ч и х а. Ах, да... Бог меня наказал, вот за это за самое и наказал.
К р у ч и н и н а. Да за что "за это"? Ты говоришь, что он выздоровел?
Г а л ч и х а. Выздоровел, выздоровел; как же! скорехонько выздоровел! (Косится на деньги.) Хорошо, кого господь-то наградит; а я вот горькая...
К р у ч и н и н а. Ведь уж я сказала, что эти деньги будут твои, только говори. Прошу тебя, умоляю.
Г а л ч и х а. Да что, матушка, говорить-то?
К р у ч и н и н а. О Грише, о моем Грише!
Г а л ч и х а. Беленькой такой мальчик?
К р у ч и н и н а. Да, беленький. Ты говоришь, что бог тебя наказал за него. За что же?
Г а л ч и х а. Вспомнила, матушка, вспомнила.
К р у ч и н и н а. Боже мой! Вспомнила! Ну, ну! (Становится перед ней на колени и глядит ей прямо в глаза.)
Г а л ч и х а. Как это он выправляться-то стал, так все маму спрашивал да кликал.
К р у ч и н и н а (рыдая). Ты говоришь: маму?
Г а л ч и х а. Да. Ручонки-то вытянет да говорит: "мама, мама!"
К р у ч и н и н а. О, боже мой! О, боже мой! Мама, мама! Ну, дальше, дальше!
Г а л ч и х а. Думаю, куда его деть?.. Держать у себя - так еще будут ли платить... сумлевалась. Уж запомновала фамилию-то... муж с женой, только детей бог не дал. Вот сама-то и говорит: достань мне сиротку, я его вместо сына любить буду. Я и отдала; много я с нее денег взяла... За воспитанье, говорю, мне за два года не плочено, так заплати! Заплатила. Потом Григорью... как его... да, вспомнила, Григорью Львовичу и сказываю: так и так, мол, отдала. И хорошо, говорит, и без хлопот. Еще

мне же зелененькую пожаловал.

К р у ч и н и н а. А потом, потом?

Г а л ч и х а. И все так хорошо, прекрасно.

К р у ч и н и н а. Так ты видела его, навещала часто?

Г а л ч и х а. Как же, видала, видала... Да вот и недавно видела.

К р у ч и н и н а (с испугом). Недавно?

Г а л ч и х а. Бегаёт в саду, тележку катает; рубашечка синенькая.

К р у ч и н и н а (отстраняясь). Что ты, что ты! Да ведь ему теперь двадцать лет.

Г а л ч и х а. Каких двадцать? Нет, маленький.

К р у ч и н и н а. Да, Архиповна! Арина, Арина, что ты говоришь?

Г а л ч и х а. Ах, матушка, простите вы меня! Польстилась вот на деньгито... Вы приказываете говорить; я и говорю, говорю, утешаю вас, а сама не знаю что... совсем затмилась... Затуманилось в голове-то, сама ничего не разберу. Передохнуть бы малость.

К р у ч и н и н а. Ну, поди отдохни! (Ведет Галчиху в другую комнату.)

Г а л ч и х а. Коли что знаю, так я вспомню... (Уходит.)

К р у ч и н и н а (садится у стола). Какое злодейство, какое злодейство! Я тоскую об сыне, убиваюсь; меня уверяют, что он умер; я обливаюсь слезами, бегу далеко, ищу по свету уголка, где бы забыть свое горе, а он манит меня ручонками и кличет: мама, мама! Какое злодейство! (Рыдая, опускает голову на стол.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

К р у ч и н и н а.

Д у д у к и н.

М у р о в.

К о р и н к и н а.

Н е з н а м о в.

Ш м а г а.

М и л о в з о р о в П е т я, первый любовник.

Женская уборная: обои местами прорваны, местами облупились; в глубине дверь на сцену; стол, перед ним мягкое потертое кресло, остальная мебель сборная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Коринкина в задумчивости полулежит в кресле. Входит Миловзоров.

К о р и н к и н а. Кто там?

М и л о в з о р о в. Я, мой друг.

К о р и н к и н а. Затвори дверь!

М и л о в з о р о в. Зачем?

К о р и н к и н а. Шляются тут и подслушивают.

М и л о в з о р о в. У вас, мой друг, нервы.

К о р и н к и н а. Ну да, нервы; будут тут нервы. Не понимаю. Просто все помешались; в здравом уме таких вещей нельзя делать.

М и л о в з о р о в. Вы это про кого?

К о р и н к и н а. Про публику, про вчерашний спектакль. Ну, что такого особенного в Кручининой, чтобы так бесноваться? Ну, скажи? Я тебя спрашиваю, что в ней особенного?

М и л о в з о р о в. Тонкая французская игра.

К о р и н к и н а. Дурак! Убирайся от меня! Зачем вы ходите ко мне в уборную? Чтобы глупости говорить. Так я этого не желаю. Ведь ты меня злишь, злишь нарочно.

М и л о в з о р о в. Разве же я не могу свое мнение иметь?

К о р и н к и н а. Конечно, не можешь, потому что ты ничего не понимаешь. Да это и не по-товарищески. Пусть публика с ума сходит, а вам что! У вас есть своя актриса, которую вы должны поддерживать. Вы ни меня, ни моего расположения ценить не умеете. И ты-то, ты-то!

Кажется, должен бы...

М и л о в з о р о в. Ах, мой друг, я очень, очень чувствую ваше расположение.

К о р и н к и н а. Я тебя и манерам-то выучила. Как ты себя держал? Как ты стоял, как ты ходил? Ну, что такое ты был на сцене? Цирюльник!

М и л о в з о р о в. Я вам благодарен; но зачем же такие выражения? Это резко, мой друг. (Хочет поцеловать руку у Коринкиной.)

К о р и н к и н а. Что за нежности! Поди прочь от меня! (Встает.) Ничего нет особенного, ничего. Чувство есть. Что ж такое чувство? Это дело очень обыкновенное; у многих женщин есть чувство. А где ж игра? Я видала французских актрис, ничего нет похожего. И досадней всего, что она притворяется; скромность на себя напускает, держится, как институтка, какой-то отшельницей притворяется... И все верят - вот что обидно.

М и л о в з о р о в. Скромности у ней отнять нельзя.

К о р и н к и н а. Опять заступаться? Нет, уж ты про ее скромность рассказывай кому-нибудь другому, а я ее похождения очень хорошо знаю.

М и л о в з о р о в. И я знаю.

К о р и н к и н а. Что же ты знаешь?

М и л о в з о р о в. Да, вероятно, то же, что и вы. Мне Нил Стратоныч рассказывал.

К о р и н к и н а. Хорош! С меня взял клятву, что я молчать буду, а сам всем рассказывает. Да и отлично; пусть его болтает, и я молчать не намерена; очень мне нужно чужие секреты беречь!

М и л о в з о р о в. Да ведь уж это давно было; а после того она...

К о р и н к и н а. Что "после того она"? Нет, ты меня выведешь из терпения. Неужели вы все так глупы, что ей верите? Это смешно даже. Она рассказывает, что долго была за границей с какой-то барыней, и та оставила ей в благодарность за это свое состояние. Ну, какой чурбан этому поверит? С барином разве, а не с барыней. Вот это похоже на дело. Мы знаем, есть такие дураки, и обируют их. А то с барыней! Оставляют барыни состояние за границей, это сплошь да рядом случается, да только не компаньонкам. А коли у ней деньги, так зачем она в актрисы пошла, зачем рыщет по России, у нас хлеб отбивает? Значит, ей на месте оставаться нельзя, вышла какая-нибудь история, надо ехать в другое; а в другом - другая история, надо - в третье, а в третьем - третья.

М и л о в з о р о в. Она много добра делает, я слышал.

К о р и н к и н а. Для разговору. С деньгами-то можно себя тешить. Она вон и за Незнамова просила. А для чего, спросите у нее? Так, сама не знает. Она-то уедет, а мы тут, оставайся с этим сахаром.

М и л о в з о р о в. Жаль, что она едет-то скоро, а то бы он показал ей себя.

К о р и н к и н а. Да это можно и теперь; у меня со вчерашнего дня сидит мысль в голове. Только положиться-то ни на кого из вас нельзя.

М и л о в з о р о в. Ах, зачем же такие слова, мой друг. Я для вас все, что угодно...

К о р и н к и н а. Ну, смотри же! Честное слово?
М и л о в з о р о в. Благородное, самое благородное.
К о р и н к и н а. Слушай, я хочу попросить Нила Стратоныча, чтобы он пригласил Кручинину к себе сегодня вечером; ведь спектакля у нас нет. Пригласим и Незнамова, подпоим его хорошенько; а там только стоит завести его, и пойдет музыка.
М и л о в з о р о в. Да Незнамов, пожалуй, не поедет к Нилу Стратонычу; он дичится общества.
К о р и н к и н а. Ну, уж я умаслю как-нибудь. А ты прежде подготовь его, дай ему тему для разговора. Распиши ему Кручинину-то, что тебе жалеть ее. Ведь уж тут вертеться, мой милый, нельзя; я должна знать наверное: друг ты мне или враг.
М и л о в з о р о в. С ним разговаривать-то немножко страшно, он сильнее меня.
К о р и н к и н а. Ну, уж это твое дело. Как же ты осмеливаешься играть драматических любовников, если ты боишься пожертвовать собой, хоть раз в жизни, для меня, за все, за все...
М и л о в з о р о в. Ну, хорошо, мой друг, хорошо.
К о р и н к и н а. Ты только вообрази себе, какой это будет спектакль! Что за прелесть!

Дудукин за дверью: "Можно войти?"

К о р и н к и н а. Да, конечно, что за вопрос! (Тихо Миловзорову.) Отойди!

Входит Дудукин.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Коринкина, Миловзоров и Дудукин.

М и л о в з о р о в. Здравствуй, Нил. (Вынимает у Дудукина из бокового наружно кармана портсигар, достает несколько папирос и кладет в свой, на что Дудукин не обращает никакого внимания.)
Д у д у к и н (Коринкиной). Как ваше здоровье, моя прелесть? Вы вчера были как будто расстроены?
К о р и н к и н а. С чего вы взяли! Я совершенно здорова.
Д у д у к и н. Ну, тем лучше, тем лучше. Очень рад.
М и л о в з о р о в. У тебя запас большой?
Д у д у к и н. Бери, сделай милость, без церемонии.
М и л о в з о р о в. Когда же я с тобой, Нил, церемонюсь; ты меня обижаешь (Кладет обратно Дудукину в карман портсигар.)

Д у д у к и н (Коринкиной). Позвольте вашу белоснежную ручку прижать к моим недостойным губам. (Целует руку Коринкиной.)

К о р и н к и н а. Я-то здорова, Нил Стратоныч, совершенно здорова; вот вам бы с доктором посоветоваться не мешало. Я за вас серьезно опасаться начинаю.

Д у д у к и н. Что так? Нет, я, грех пожаловаться, никакого изъяна в себе не замечаю.

К о р и н к и н а. Я боюсь, что вы окончательно с ума сойдете. Не болят руки-то после вчерашнего?

Д у д у к и н. А, понимаю, понимаю. Восторгался, в экстаз приходил. Да ведь уж и игра! Ну, вот скажи, Петя; вот ты сам был на сцене. В сцене с тобой, например?

М и л о в з о р о в. Со мной, Нил, всякой актрисе легко играть. У меня жару много.

Д у д у к и н. Жару? Однако ты вчера два раза так соврал, что чудо.

М и л о в з о р о в. Ах, Нил, я горяч, заторопишься, ну и невольно с языка сорвется.

Д у д у к и н. А как ты иностранные слова произносишь! Уж бог тебя знает, что у тебя выходит.

М и л о в з о р о в. Роли плохо переписывают. Да для кого, Нил, стараться-то? Ну, хорошо, ты понимаешь, а другие-то! Им что ни скажи, все равно. Ведь у нас какая публика-то!

Д у д у к и н. Ну, уж зато кто понимает, так даже в изумление приходят. Думаешь, боже ты мой милостивый, откуда только он берет такие слова! Ведь разве только в ирокезском языке такие звуки найти можно. Ты, пожалуйста, не обижайся!

М и л о в з о р о в. Ну, вот еще. Ты, Нил, прав: не ты один, и другие мне тоже говорили; да знаешь, жалованье небольшое, так не стоит очень стараться-то.

Д у д у к и н. А вы, красота моя неописанная, не извольте гневаться. Я изящное люблю во всех видах. У людей со вкусом отношение к изящному совсем другое, особенное, совсем не то, что к живой красоте. Тут ревность неуместна.

К о р и н к и н а. Да кто вам сказал, что я ревную! Я вам сейчас докажу противное!

Д у д у к и н. Доказывайте, мое блаженство!

К о р и н к и н а. Вы восхищаетесь Кручининой, подаете ей венки, собираете деньги на подарок - вы думаете, это ей нужно? Всего этого она видала много. А вот догадки у вас нет, как доставить ей удовольствие. Она живет в дрянной гостинице, в грязном номере, сегодня спектакля нет: что она будет делать дома вечером? Придут к ней два-три поношенных театрала с своими, извините, глупыми восторгами, - вы думаете, это весело? Вы ее не познакомили с обществом, да и с артистами она видится

только на репетиции; что бы вам нынче у себя вечер устроить с хорошим ужином и пригласить ее, только чтобы общество было избранное. Вы пригласите кого-нибудь из знакомых; а артисты уж это дело мое, я знаю, кого пригласить. Нравится вам моя мысль? Похоже это на ревность?..
Д у д у к и н. О нет, какая ревность! Вот это идея, идея! Мерси, мое сокровище! Как это: женский ум... женский ум?..
М и л о в з о р о в. Женский ум лучше всяких дум.
Д у д у к и н. Вот что правда, то правда! И как это мне в голову не пришло, я, Петя, полагаю, что мы неблагодарны, что мало мы у женщин ручки целуем.

Входит Шмага в новом пальто и в шляпе на ухо. Раскланивается.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Коринкина, Миловзоров, Дудукин и Шмага.

Ш м а г а (Дудукину). Меценату, просвещенному покровителю искусств и всяких художеств! Ну-ка, меценат, одолжите сигарочку!
Д у д у к и н. Из каких тебе?
Ш м а г а. Да уж я постоянно один сорт курю.
Д у д у к и н. Какие же?
Ш м а г а. Чужие.

Дудукин дает ему сигару, которую Шмага завертывает в бумажку и кладет в карман.

Это после, за завтраком.
М и л о в з о р о в. Шмага, ты не видал Незнамова? Будет он на репетиции?
Ш м а г а. Кто ж его знает! Я не нянька его.
К о р и н к и н а. Вы, кажется, такие неразрывные были.
Ш м а г а. Чего на свете не бывает. И мужья с женами расходятся, а не то что друзья.
Д у д у к и н. Вот чудо-то! Какая кошка между вами пробежала?
Ш м а г а (важно). В убеждениях не сошлись.
К о р и н к и н а. Вы не смешите! Ну какие у вас с Незнамовым убеждения?
Д у д у к и н. В самом деле, Шмага, что-то я у тебя прежде убеждений не замечал.
Ш м а г а. Напрасно; убеждения у меня есть твердые. Вчера у меня, сверх всякого ожидания, деньги завелись, так, бешеные набежали, с ветру.
М и л о в з о р о в. Да, видим, видим, что ты в обновке.
Ш м а г а. Мое убеждение такое, что надо их непременно пропить

поскорее. А вы говорите, что у меня нет убеждений. Чем это не убеждение? И я убеждал Гришку отправиться в трактир "Собрание веселых друзей". Но убеждения мои не подействовали.

Д у д у к и н. Отказался? Неужели?

К о р и н к и н а. Да это он сказки рассказывает.

Ш м а г а. И не только отказался, но оскорбил меня словесно и чуть-чуть не нанес оскорбления действием; немножко бог помиловал. Кончено! Гришка погиб для нашего общества!

М и л о в з о р о в. Для какого?

Ш м а г а. Для "Собрания веселых друзей". Я потерял лучшего своего друга.

Д у д у к и н. Да что с ним сделалось?

Ш м а г а. Очень просто: нить в жизни потерял.

М и л о в з о р о в. Как это нить потерял? Какую нить?

Ш м а г а. Ну, вот еще, какая нить! У всякого своя нить. Ты вот любовник и на сцене, и в жизни, ты свою нить и тянешь, и нам надо было свою тянуть.

К о р и н к и н а. В "Собрании веселых друзей"?

Ш м а г а. Конечно. Как человек нить потерял, так пропал. Ему и по заведенному порядку следует в трактир идти, а он за философию. А от философии нападает на человека тоска, а хуже тоски ничего быть не может.

Д у д у к и н. Незнамов - и за философию!.. странно.

К о р и н к и н а. Что его сглазили, что ли?

Ш м а г а. Сглазили.

К о р и н к и н а. Кто же?

Ш м а г а. Приезжая знаменитость.

К о р и н к и н а. Да ты врешь. Пошел вон!

Ш м а г а. Нет, уж это верно.

К о р и н к и н а. Миловзоров, это надо принять к сведению.

М и л о в з о р о в. Примем.

Ш м а г а. Кончено... Прощай, голубчик! Нить потерял.

М и л о в з о р о в. А ты не теряешь?

Ш м а г а. Еще бы. Что мне за расчет! Вот я хочу к меценату обратиться с предложением услуг.

Д у д у к и н. Благодарю. Каких услуг, мой друг?

Ш м а г а. Я подозреваю, что у вас есть намерение угостить нас, первых сюжетов, завтраком; по этому случаю вы мне дадите денег; а уж я, так и быть, услужу вам, схожу куплю пирогов, колбаски, икорки и прочего.

К о р и н к и н а. Только, пожалуйста, не здесь.

Ш м а г а. Ну, вот еще! Завтрак для первых сюжетов, так мы и пойдем туда, где первые сюжеты одеваются.

М и л о в з о р о в. Куда ж это?

Ш м а г а. Наверх, на чердак, в общую, где статистам бороды наклеивают.
Д у д у к и н. Услужи, послужи! Подожди немного на сцене, я только повидаюсь с Еленой Ивановной.

М и л о в з о р о в. Да коли увидишь Незнамова, так пошли его сюда.

Ш м а г а (показывая на сцену). Да вон он!

Дудукин и Шмага уходят.

К о р и н к и н а (у двери). Незнамов, зайдите на минуту!

Незнамов входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Коринкина, Миловзоров и Незнамов.

Н е з н а м о в. Что вам угодно?

М и л о в з о р о в. Здравствуй, Гриша!

Н е з н а м о в. Здравствуй!

К о р и н к и н а. Что вы от нас бегаете?

Н е з н а м о в. От кого: "от нас"?

К о р и н к и н а. Ну, от меня.

Н е з н а м о в (окидывая ее глазами). Да я никогда при вас и не состоял.

Этого счастья удостоен не был.

К о р и н к и н а. Кто ж виноват! Вы сами не хотели; вы такой нелюбезный.

Не ждете ли вы, что женщины за вами будут сами ухаживать? Хоть это и бывает, да очень редко. Надо, чтоб вы сами...

Н е з н а м о в. Не могу. Я в эту должность не гожусь.

К о р и н к и н а. В какую?

Н е з н а м о в. Ни в пажи, ни в Амишки. Это вот уж их дело. (Указывая на Миловзорова.) Что же вам угодно от меня?

К о р и н к и н а. Ах, да ничего особенного; только не будьте таким букой, не удаляйтесь от нашего общества. Ну, что вам за компания Шмага!

Н е з н а м о в. Позвольте, позвольте! Шмагу не трогайте. Во-первых, он весел и остроумен, а вы все скучны; во-вторых, он хоть дрянь, но искренен: он себя за дрянь и выдает; а вы все, извините меня, фальшивы.

К о р и н к и н а. Ах, боже мой, я и не говорю, что мы святые; и у нас есть недостатки: и фальшь, и все, что вам угодно. Да простите нам их, как вы прощаете Шмаге; не судите нас строго!

Н е з н а м о в. Простите, не судите. Не хочу я ни судить, ни прощать вас; что я за судья! Я только сторонюсь от вас и буду сторониться, потому что вы сейчас же поставите меня в дураки и насмеетесь надо мной.

К о р и н к и н а. Ах, что вы, что вы!
М и л о в з о р о в. Ах, Гриша! Зачем такая недоверчивость, мамочка!
Н е з н а м о в. В два голоса принялись!
К о р и н к и н а. Вы такой милый и водитесь с Шмагой.
Н е з н а м о в. Милый? Давно ли? Что вы мне поете? Ведь вы меня не любите.
К о р и н к и н а. То есть... не любила.
Н е з н а м о в. А теперь полюбили?
К о р и н к и н а. Уж вы многого захотели! Разве так прямо спрашивают! (Смеется.) При свидетелях я не признаюсь.
Н е з н а м о в. Ну, я как-нибудь вас без свидетелей поймаю.
К о р и н к и н а. Тогда другое дело.
Н е з н а м о в. Говорите ясней, говорите прямо! Что вам нужно?
К о р и н к и н а. Скажу, скажу... Только ведь я вас знаю, вы чудака и очень упрямый... Но на этот раз, пожалуйста, чтоб без отказа.
М и л о в з о р о в. Да, мамочка, уж сделай милость.
Н е з н а м о в. Да говорите!
К о р и н к и н а. Я не знаю, как и начать, уж очень боюсь вас. Вот видите ли, Нил Стратоныч звал нас сегодня на вечер.
Н е з н а м о в. Так что ж? Мне-то что за дело?
К о р и н к и н а. Нет, я боюсь, право, боюсь. Да уж рискну, была не была... Так вот: проводите меня к нему, останьтесь с нами весь вечер и отвезите меня домой! Да ну, решайтесь! Ах, какой тюлень!
Н е з н а м о в. Что такое вы выдумываете!
К о р и н к и н а. Ну, голубчик, ну, милый Незнамов.
М и л о в з о р о в. Да какой Незнамов! Просто Гриша.
К о р и н к и н а. Ну, Гриша! Милый, сделай для меня это удовольствие! (Обнимает и целует Незнамова.)
Н е з н а м о в. Что вы! Что вы! Это что еще за новости?
К о р и н к и н а. От души, голубчик, от души.
Н е з н а м о в. Ну, коли от души, так другое дело. А он-то? Ведь он у вас постоянный, бессменный...
К о р и н к и н а. Он другую даму провожает; да он уж и надоел мне.
Н е з н а м о в. Ну, что ж, извольте: я сегодня свободен. Только ведь там скучно.
К о р и н к и н а. Мы постараемся развлечь вас. Вот это мило! Вот за это душка! (Делает ручкой и уходит на сцену.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Незнамов и Миловзоров.

Н е з н а м о в. Что это за комедия? Скажи, пожалуйста!

М и л о в з о р о в. Никакой комедии, мамочка, все очень просто.

Н е з н а м о в. Да зачем именно я ей понадобился? Разве она не могла взять кого-нибудь другого?

М и л о в з о р о в. Кого же? Из резонеров или комиков? Разве можно на них рассчитывать? Они и сами не знают, что будет с ними к вечеру. А может быть, мамочка, это женский каприз. Им часто приходит в голову то, чего и не ожидаешь.

Н е з н а м о в. Каприз! Не люблю я капризов-то.

М и л о в з о р о в. Ах, мамочка, да разве бывают женщины без капризов!

Н е з н а м о в. Да ты-то почему это знаешь? Много ли ты женщин видел? И каких? Ты судишь об женщинах по водевилям, где у них, после каждого слова, улыбка к публике и куплет. Что такое нынче у Нила Стратоныча?

М и л о в з о р о в. Ничего особенного. Будет бомон и артисты; всё свои люди; Кручинина будет.

Н е з н а м о в. Кручинина? Что ж ты мне прежде не сказал?

М и л о в з о р о в. Да об чем говорить-то! Что тут такого необыкновенного, что надо особо докладывать?

Н е з н а м о в. А как ты думаешь: Кручинина обыкновенная женщина или нет?

М и л о в з о р о в. Актриса, вот и все.

Н е з н а м о в. Да актриса-то обыкновенная?

М и л о в з о р о в. Публике нравится.

Н е з н а м о в. А тебе?

М и л о в з о р о в. Говорят, Сара Бернар лучше.

Н е з н а м о в. Говорят! А сам-то ты уж ни глаз, ни смыслу не имеешь? Ну, так я тебе скажу: она и артистка необыкновенная и женщина необыкновенная.

М и л о в з о р о в. Артистка - пожалуй! Ну, а женщина... (Улыбается и пожимает плечами.)

Н е з н а м о в (строго). Что женщина? Договаривай!

М и л о в з о р о в. Я думаю, такая же, как и все.

Н е з н а м о в. Ведь ты меня знаешь; я на похвалы не очень щедр; а я тебе вот что скажу: я только раз поговорил с ней, и все наши выходки, молодечество, ухарство, напускное презрение к людям показались мне так мелки и жалки, и сам я себе показался так ничтожен, что хоть сквозь землю провалиться. Мы при ней и разговаривать-то не должны! А стоять нам, дурачкам, молча, опустя голову, да ловить, как манну небесную, ее кроткие, умные речи.

М и л о в з о р о в. Нет, я со всеми развязен.
Н е з н а м о в. О, несчастный!
М и л о в з о р о в. Ведь это философия, мамочка!
Н е з н а м о в. Замолчи! Сочти так, что ты не слышал моих слов, что я с этой стеной разговаривал. Ты не знаешь, долго ли Кручинина здесь пробудет?
М и л о в з о р о в. Я полагаю, что она скоро уедет.
Н е з н а м о в. Почему?
М и л о в з о р о в. Да так: открылись некоторые обстоятельства, старые грешки.
Н е з н а м о в. Я тебе приказываю говорить об этой женщине с уважением. Слышишь?
М и л о в з о р о в. Я бы рад говорить с уважением, если тебе это приятно; но всех молчать не заставишь; я повторяю только чужие слова.
Н е з н а м о в. Вы сами же сочинили какую-нибудь гадость, да и расславляете везде. Я вас знаю, вы на это способны. Ты скажи всем, что я обижать ее не позволю, что я за нее...
М и л о в з о р о в. Прибьешь? От тебя, мамочка, только того и жди.
Н е з н а м о в. Нет, не прибью...
М и л о в з о р о в. Не прибьешь, помилуешь?
Н е з н а м о в. Я убью до смерти.
М и л о в з о р о в (с испугом). Ну, вот, мамочка! Как же можно с тобой разговаривать? Ну тебя! Оставь меня, не спрашивай. Я уйду.
Н е з н а м о в. Нет, стой! Ты начал, так договаривай! Только говори правду, одну правду!
М и л о в з о р о в. Вот ты сам, мамочка, заставляешь; а начни я говорить, так ты опять...
Н е з н а м о в. Нет, говори, говори! Мне нужно знать все. От этого зависит... Не поймешь ты, вот чего я боюсь. Ведь я круглый сирота, брошенный в омут бессердечных людей, которые грызутся из-за куска хлеба, за рубль продают друг друга; и вдруг я встречаю участие, ласку - и от кого же? От женщины, которой слава гремит, с которой всякий считает за счастье хоть поговорить! Поверишь ли ты, поверишь ли, я вчера в первый раз в жизни видел ласку матери!
М и л о в з о р о в. Мамочка, это увлечение. Ты, Гриша, влюблен?
Н е з н а м о в. Нет, я вижу, что с тобой говорить невозможно. Да вылезь ты из своего дурацкого ампула хоть на минуту! Это не любовь, это благоговение.
М и л о в з о р о в. Ты говоришь, что в первый раз узнал ласку матери? Вот в этом-то ты и ошибаешься.
Н е з н а м о в. Что такое? Что за вздор ты говоришь?
М и л о в з о р о в. Любовь матери ты можешь искать где угодно, но только не у нее.

Незнамов. Не испытывай ты моего терпения!

Миловоров. Ее главным образом и обвиняют в том, что она бросает своих детей.

Незнамов. Как бросает?

Миловоров. Вот здесь, например, несколько лет тому назад она бросила своего ребенка на произвол судьбы и уехала с каким-то баринном.

Да говорят, это бывало с ней и не один раз.

Незнамов. Кто же ее обвиняет?

Миловоров. Да все, мамочка. Да чего лучше! Спроси у Никола Стратоныча, он говорил с ней об этом предмете, и она сама ему призналась.

Незнамов. Постой, постой! Это невозможно; нет, это на нее не похоже. У нее в голосе, в разговоре, в манере такая искренность, такая сердечность.

Миловоров. А ты и растаял, распустил губы-то? Актриса, хорошая актриса.

Незнамов. Актриса, да... но я все-таки тебе не верю...

Миловоров. Я и уверять не стану; как хочешь!

Незнамов (задумывается). Актриса! актриса! Так и играй на сцене. Там за хорошее притворство деньги платят. А играть в жизни над простыми, доверчивыми сердцами, которым игра не нужна, которые правды просят... за это казнить надо... нам обмана не нужно! Нам подавай правду, чистую правду! Актриса! (Задумывается.) Где Шмага?

Миловоров. Наверху, в уборной, водку пьет.

Незнамов. Хорошее это занятие. О, как бы я желал, чтобы все это оказалось вздором!

Миловоров. А если правда?

Незнамов. Ну, тогда я сумею наказать себя за глупую доверчивость; да и еще кой-кому достанется! (Уходит.)

Входит Коринкина.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Миловоров, Коринкина, потом Кручинина.

Коринкина. Уходи! Сюда идет Кручинина, она хочет отдохнуть. Что Незнамов?

Миловоров. Подействовало.

Коринкина. То-то он вышел, как в воду опущенный. Значит, вечером будет спектакль.

Миловоров. Да, этот вечер будет с финалом; Незнамов эффекты всегда к концу приберегает. (Уходит.)

Входит Кручинина.

К о р и н к и н а. Пожалуйте! Я уезжаю. Уж извините, у нас все уборные плохи! В моей хоть отдохнуть можно; а в других повернуться негде.

К р у ч и н и н а. Да, у меня неудобно и дует очень.

К о р и н к и н а. Здесь все-таки и знакомых принять можно.

К р у ч и н и н а. Мне некого.

К о р и н к и н а. Как знать! У нас ведь постоянно на сцене публика толчется, случается, что и зайдет кто-нибудь! Так до свидания у Нила Стратоныча! За вами Миловзоров заедет.

К р у ч и н и н а. Да, я уж просила его.

Коринкина подает руку и уходит. Кручинина садится к столу, вынимает роль и читает. Входит Муров.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Кручинина и Муров. Кручинина оборачивается, встает со стула и на поклон Мурова молча кланяется.

М у р о в (с улыбкой). Муров, Григорий Львович! Честь имею представиться. (Кланяется.) Я вчера два раза заезжал к вам в гостиницу, но не имел счастья заставить. Третьего дня я был в театре; говорить о том впечатлении, которое ваша игра производит на зрителей, я не стану. Это вам и без меня известно, но я был поражен еще необыкновенным сходством, которое вы имеете с одной женщиной, мне когда-то знакомой.

К р у ч и н и н а. Что же вам угодно?

М у р о в. Я желаю знать, ошибаюсь я или нет. Театральное освещение, румяна, гримировка - все это так изменяет физиономию, что можно найти сходство и там, где его нет.

К р у ч и н и н а. Ну, вот я теперь без гримировки. Что же вы находите?

М у р о в. Я изумлен еще более. Такой игры природы не может быть. Когда смотришь на вас, или надо не верить глазам своим, или, извините, нельзя удержаться от вопроса.

К р у ч и н и н а. Спрашивайте!

М у р о в. Вы Любовь Ивановна Отрадина?

К р у ч и н и н а. Да, я Любовь Ивановна Отрадина.

М у р о в. Но откуда вы явились, где вы были до сих пор, что делали, как поживали?

К р у ч и н и н а. Я так полагаю, что вам этого ничего знать не нужно; потому что до вас это нисколько не касается.

М у р о в. Но откуда ж у вас это имя? Зачем вы явились сюда под чужой

фамилией?

К р у ч и н и н а. Я поступила на сцену, начала новую жизнь, потому и переменила фамилию; это обыкновенно так делается. Я взяла имя и фамилию моей матери. Вы кончили ваши вопросы?

М у р о в. Вы желаете поскорей отделаться от меня, прекратить разговор и указать мне дверь.

К р у ч и н и н а. Нет, я жду, когда вы кончите спрашивать.

М у р о в. Я кончил.

К р у ч и н и н а. Ну, теперь я вас спрошу. Где мой сын, что вы с ним сделали?

М у р о в. Да ведь уж я вам писал, что он умер. Разве вы моего письма не получили?

К р у ч и н и н а. Нет, получила, но вы меня обманули. Он выздоровел, и когда вы мне писали об его смерти, он был жив.

М у р о в. Если вы это знали, отчего вы не приехали и не взяли его?

К р у ч и н и н а. Я узнала только вчера. А тогда я не могла приехать, я была очень больна: меня увезли полумертвую. Вы это знали хорошо. Зачем вы меня обманули?

М у р о в. Один поступок всегда влечет за собой другой. Я боялся, что вы вернетесь, пойдет разговор, может дойти до моей жены и на первых порах рассорит нас.

К р у ч и н и н а. Ну, это все равно; дело кончено. Куда вы дели моего ребенка? Говорите только правду, я сама кой-что знаю.

М у р о в. Мы нашли очень хороших, достаточных людей; я им передал сына своими руками и, отдавая, надел тот медальон, который вы мне оставили.

К р у ч и н и н а. Так он цел, он у него? Там его золотые волосы, там я и записку положила.

М у р о в. Какую записку?

К р у ч и н и н а. Так, маленькую. Я записала день его рождения.

М у р о в. И больше ничего?

К р у ч и н и н а. Уж теперь не помню.

М у р о в. Я этого не знал; я думал, что это так, золотая безделушка, не представляющая никакого документа. Ну, да это все равно. Добрые люди обещали мне никогда не снимать с него медальона. Они, вероятно, считали его за какой-нибудь талисман или амулет, имеющий таинственную силу, или за ладанку, которую надевают детям от грыжи.

К р у ч и н и н а. Что же дальше?

М у р о в. Они его растили, учили, воспитывали, а сами богатели. Расширили свою торговлю, завели в нескольких губернских городах большие магазины, выстроили себе большой дом, уж не помню хорошенько где - в Сызрани, в Ирбите или в Самаре; нет, кажется, в Таганроге, и переехали туда на житье.

К р у ч и н и н а. Давно ли это было?

М у р о в. Лет восемь тому назад.

К р у ч и н и н а. А потом вы имели о нем сведения?

М у р о в. Нет. Они просили меня прекратить все сношения с ними. Мы, дескать, воспитали его, он носит нашу фамилию и будет нашим наследником, так уж оставьте нас в покое. Да и в самом деле, если рассуждать здраво, чего лучше можно ожидать для ребенка без имени. Я мог вполне успокоиться; его участь завидная.

К р у ч и н и н а. Фамилия этого купца?

М у р о в. Я уж забыл. Не то Иванов, не то Перекусихин; что-то среднее между Ивановым и Перекусихиным, кажется, Подтоварников. Если вам угодно, я могу собрать справки. Сегодня же я увижу одного приезжего, который знает всех купцов во всех низовых городах, и сегодня же передам вам. Ведь вы будете у Нила Стратоныча?

К р у ч и н и н а. Да, буду.

М у р о в. Можно сказать вам еще несколько слов, вы позволите?

К р у ч и н и н а. Говорите!

М у р о в. За огорчение, которое я вам причинил, я был наказан жестоко: покойная жена моя сумела из моей жизни сделать непрерывную пытку. Но я все-таки не помяну ее дурным словом; это наказание я заслужил, и притом же она оставила мне огромное состояние. После моей безотрадной жизни, когда я опять увидел вас, старая страсть запылала во мне. Я ведь не юноша, не преувеличиваю своих чувств и научился взвешивать выражения; если я говорю, что запылала, так, значит, действительно запылала, и другого слова для выражения моего чувства нет. Тут только я понял, какое счастье я потерял; это счастье так велико, что я не остановлюсь ни перед какими жертвами, чтоб возвратить его. Вы победили меня, разбили окончательно. Я прошу пощады, прошу мира. Заключимте мир! Я побежденный, вы имеете право диктовать мне условия; я приму их с покорностью, беспрекословно.

К р у ч и н и н а. Как горько это слышать! Вы не даете никакой цены свежему, молодому чувству простой любящей девушки и готовы унижаться перед женщиной пожившей, которой душа уж охладела, из-за того только, что она имеет известность!

М у р о в. Но, Люба, неужели не осталось в тебе ни одной искры прежнего чувства?

К р у ч и н и н а. Здесь нет Любы; перед вами Елена Ивановна Кручинина.

М у р о в. Твое чувство было так богато любовью, так расточительно!

К р у ч и н и н а. Я разучилась понимать такие слова.

М у р о в. Извините! Я знал женщину; теперь передо мной актриса. Я буду говорить иначе. Не угодно ли вам будет посетить меня в моем имении? Не угодно ли вам будет там остаться и быть хозяйкой? Наконец, не угодно ли вам быть госпожою Муровой?

К р у ч и н и н а. На все ваши вопросы я вам буду отвечать тоже вопросом. Где мой сын? И пока я его не увижу, другого разговора между нами не будет. Мне пора на сцену. (Уходит.)

М у р о в. До свиданья. (Идет за Кручининой.) Я терпелив и надежды не теряю никогда. (Уходит.)

Входит Незнамов, мрачный, останавливается у двери и пристально смотрит на сцену.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Незнамов, потом Шмага.

Н е з н а м о в (у двери). Шмага, Шмага, поди сюда! Поди сюда, говорят тебе!

Шмага за дверью: "Бить не будешь?"

Да не буду, очень мне нужно об тебя руки марать!

Шмага входит, Незнамов берет его за ворот.

Говори, говори! Что там шепчутся, что говорят обо мне?

Ш м а г а. Постой, не души! Отпусти на минутку, дай вздохнуть! Все скажу, всю правду скажу.

Н е з н а м о в (выпуская из рук Шмагу). Ну, говори!

Ш м а г а. Что говорят-то? Да говорят глупости.

Н е з н а м о в. Это я знаю.

Ш м а г а. А коли знаешь, за что ж сердишься!

Н е з н а м о в. Да ты не рассуждай, а говори, что слышал.

Ш м а г а. Да я, признаться, и не слушал. Зачем слушать-то? Ведь, кроме глупости, я от них ничего не позаимствую; а этого у нас и дома много.

Н е з н а м о в. Да они что-то поминали меня и Кручиниину и шептались.

Ш м а г а. Да шепотом ли, вслух ли глупости говорить - разве это не все равно?

Н е з н а м о в. Да ведь они смеются. Это ужасно, это невыносимо! Ведь по крайней мере с моей-то стороны было искреннее, глубокое чувство. И зачем я рассказал!

Ш м а г а. Ну вот то-то же.

Н е з н а м о в. И этот вечер у Нила Стратоныча, о котором они хлопчут!

Нет ли тут интриги, нет ли какой-нибудь подлости? Не хотят ли они глумиться над женщиной, которая заслуживает всякого уважения?

Ш м а г а. Уважения, ты говоришь?

Н е з н а м о в (хватаясь за голову). Ах, да я и сам не знаю, уважения или презрения.

Ш м а г а. А не знаешь, так не водись ни с ними, ни с ней.

Н е з н а м о в. Постой! Представь себе, что человек бедный, самый бедный, который всю жизнь не видал в руках гроша, нашел вдруг груды золота...

Ш м а г а. Превосходней ничего быть не может!

Н е з н а м о в. Погоди! И вдруг эта груды оказывается мусором. Что тогда?

Ш м а г а. Да, если человек жаден, и золото очень мило ему показалось, так после такого превращения уж он непременно зацепит петельку на гвоздик, да и начнет вправлять туда свою шею.

Н е з н а м о в. Ну, так слушай!

Ш м а г а (махнув рукой). Философия пошла. Нет, Гриша, нет, ты меня своей философией не май, не томи!

Н е з н а м о в. Да ведь есть же разница между добром и злом?

Ш м а г а. Говорят, есть какая-то маленькая; да не наше это дело. Нет, ты меня философией не донимай! А то я затоскую так же, как ты.

Направимся-ка лучше в "Собрание веселых друзей".

Н е з н а м о в. О, варвары! Что они делают с моим сердцем! Но уж кто-нибудь мне ответит за мои страдания: или они, или она!

Идут к двери.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

К р у ч и н и н а.

Н е з н а м о в.

К о р и н к и н а.

М и л о в з о р о в.

Д у д у к и н.

Ш м а г а.

М у р о в.

Гости и прислуга.

Лунная ночь. Площадка в большом барском саду, окруженная старыми липами; на площадке скамейки и столики ясеневые, на чугунных ножках; на сцену выходит терраса большого дома, у террасы рабатки с цветами и вьющимися растениями.

На террасу из дома стеклянная дверь и несколько окон; в доме полное

освещение.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

*На одной скамейке сидят Незнамов и Миловзоров, на другой - Шмага; он
смотрит то на луну,
то по сторонам, вздыхает и принимает разные позы.*

М и л о в з о р о в. Что ты, Шмага, вздыхаешь? Чем недоволен, мамочка?

Ш м а г а. На луну сержусь.

М и л о в з о р о в. За что?

Ш м а г а. Зачем она на меня смотрит? И какое глупое выражение! Точь-в-точь круглолицая, сытая деревенская девка, которая стоит у ворот, неизвестно чему рада, скалит зубы и во весь рот улыбается.

М и л о в з о р о в. Ты, мамочка, не понимаешь поэзии, а я сижу и про себя думаю: "Эка ночь-то!".

Ш м а г а. Как бы хорошо в такую ночь...

М и л о в з о р о в. По Волге кататься?

Ш м а г а. Нет, в трактире сидеть.

М и л о в з о р о в. Ну, что за вздор! В трактире хорошо зимой. На дворе вьюга или мороз, квартиры у нас, по большей части, сырые или холодные; в трактире светло и тепло.

Ш м а г а. И весело.

М и л о в з о р о в. Ну, а летом там душно, мамочка.

Ш м а г а. А ты вели окно открыть; вот тебе и воздух, и поэзия! Луна смотрит прямо тебе в тарелку; под окном сирень или липа цветет, померанцем пахнет...

М и л о в з о р о в. Это от липы-то?

Ш м а г а. Нет, от графина, который на столе стоит. Петухи поют, которых зажарить еще не успели.

М и л о в з о р о в. Петухи! Проза, мамочка! Ты, вероятно, хотел сказать: соловьи.

Ш м а г а. Да ведь это по деньгам глядя: много денег, так до соловьев просидишь, а мало, так только до петухов. Соловей зарю воспевает, попоет, попоет вечером да потом опять на заре защелкает; а петух полночь знает, это наш хронометр. Как закричит, значит, наш брат, бедняк, уходи из трактира, а то погонят. (Смотрит на луну и вздыхает.) Нет, вот мука-то, я вам доложу! Мы, извольте видеть, к богатому барину в гости приехали! А зачем, спрашивается! Природой любоваться? Сиди да гляди на луну, как волк в зимнюю морозную ночь. Так ведь и волк поглядит, поглядит, да и взвояет таково жалобно. Давай, Гриша, завоем в два голоса! Ты вой, а я подвывать стану с разными переливами; авось хозяин-то догадается.

Н е з н а м о в. Тебе, видно, не очень худо; ты еще шутить можешь, а мне, брат, скверно.

Ш м а г а. Ну, и мне не легче.

Н е з н а м о в. Ты доберешься до буфета, у тебя и пройдет твое горе.

Ш м а г а. А тебе кто ж мешает?

Н е з н а м о в. Мне это средство не поможет; пожалуй, хуже станет.

М и л о в з о р о в. Ну, не скажи, мамочка!

Ш м а г а. А ты попробуй, чудак, попробуй!

Н е з н а м о в. Не проси; и то, кажется, попробую.

Ш м а г а. Что ж это такое, в самом деле! Назвал человек гостей, а занять их не умеет.

М и л о в з о р о в. Ну, уж это ты напрасно, мамочка. Нил свое дело знает. Солидные люди у него играют в карты, молодые разговаривают с дамами.

Ш м а г а. А актеры?

М и л о в з о р о в. Чем же актеров занимать? Они сами должны оживлять общество.

Ш м а г а. Так ты прежде нас настрой как следует, подыми тон, придай фантазии, тогда мы и станем оживлять общество.

М и л о в з о р о в. Всему свой черед, мамочка. Теперь чай пьют; не хочешь чаю?

Ш м а г а. Нет, уж это сами кушайте! (Вздыхает.)

Входит Коринкина.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Незнамов, Миловзоров, Шмага и Коринкина.

К о р и н к и н а. Господа, что же вы удаляетесь от общества? (Незнамову.)

А вы что надувшись сидите, отчего нейдете к нам?

Н е з н а м о в. Зачем я вам понадобился?

К о р и н к и н а. Кручинина уж два раза про вас спрашивала. Она очень хорошо о вас отзывается.

Н е з н а м о в. Да хорошо ли, дурно ли, это мне все равно. Я вообще не люблю когда про меня разговаривают. Ах, уж оставили бы вы меня в покое. Точно у вас нет другого разговора!

К о р и н к и н а. Да что вы за недотрога! Уж и хорошо-то про вас не смей говорить. Кручинина находит, что у вас талант есть и много души.

Ш м а г а. Ну, душа-то для актера, пожалуй, и лишнее.

М и л о в з о р о в. Для комиков - это так; но есть и другие амплуа.

Ш м а г а. Да вот ты каждый день любовников играешь, каждый день в любви объясняешься; а много ль у тебя ее, души-то?

М и л о в з о р о в. Я нахожу, что для здешней публики достаточно, мамочка.

Ш м а г а. Для публики достаточно, а для домашнего употребления, брат, мало.

Н е з н а м о в. Желал бы я знать, как настоящие великие артисты в обыкновенной жизни себя ведут? Неужели так же притворяются, как на сцене?

К о р и н к и н а. Вероятно. Много надо опытности, много надо пожить на свете чтобы выучиться отличать настоящее чувство от поддельного.

Н е з н а м о в. Так, значит, надо ждать, пока состаришься? А до тех пор все будут тебя обманывать да дураком звать. Покорно вас благодарю.

Лучше совсем не верить никому.

К о р и н к и н а. Да, пожалуй, что так.

Ш м а г а. Душа-то у Незнамова есть, это правда; да вот беда-то, смыслу-то у него мало; не знает он, куда ее деть, куда ее расходовать.

Н е з н а м о в. Это ты правду говоришь.

Ш м а г а. А вот я хочу узнать, есть ли у вас душа, Нина Павловна?

К о р и н к и н а. Это что еще за глупость?

Ш м а г а. Я согласен, что меня, актера Шмагу, можно в порядочный дом и не пускать; ну и не пускайте, я не обижусь. Но ежели пустили и тем более пригласили, то надо принять в соображение мой образ жизни и мои привычки. Если у вас есть душа, то распорядитесь...

К о р и н к и н а. Понимаю, понимаю. У меня есть душа, я уж давно распорядилась. Я затем и пришла, чтоб пригласить вас.

Ш м а г а. Пришли с таким приятным известием и молчите до сих пор! Ну, хорошо, что я не умер от нетерпения, а то могло бы возникнуть уголовное дело. (Подходит к Незнамову.) Гриша! Брось философию-то, пойдем! Что нам природа: леса, горы, луна? Ведь мы не дикие, мы люди цивилизованные.

Н е з н а м о в. Действительно, брат, скучно. Ну, пойдем, цивилизованный человек. Пойдем в буфет! Пойдем туда, куда влечет меня мой жалкий жребий!

К о р и н к и н а (Миловзорову, тихо). Он, кажется, в ударе. Подогрейте его хорошенько!

М и л о в з о р о в. Постараюсь.

Идут все к дому; навстречу им выходят Кручинина и Дудукин.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Незнамов, Миловзоров, Шмага, Коринкина, Кручинина и Дудукин.

К р у ч и н и н а. Куда же вы, господа? Вы не от меня ли бежите?
К о р и н к и н а. О, нет; они сейчас же вернутся; я их к вам приведу.
Ш м а г а. Бывают в жизни артиста минуты, когда он стремительно спешит к своей цели, как из лука стрела. Остановить его - напрасный труд!
К р у ч и н и н а. Когда же эти минуты бывают?
Ш м а г а. Когда загремят ножами и вилками и скажут: закуска готова.
Н е з н а м о в. Пойдем! Довольно тебе паясничать!

Коринкина, Незнамов, Миловзоров и Шмага уходят в дом.

Д у д у к и н. Когда Шмага заговорит о закуске, так до пафоса доходит; он возбуждает аппетит; мы за этим его и приглашаем.
К р у ч и н и н а. Да, это тоже своего рода талант; но едва ли нужно поощрять такие способности.
Д у д у к и н. Что ж делать! Жизнь-то у нас, в провинции, скучна очень, так будешь рад и Шмаге. Я ведь не проповедник; у меня правило: живи сам и жить давай другим. Вы еще не соскучились у нас, не надоело вам?
К р у ч и н и н а. Да где ж веселее-то? Везде одно и то же. Но отсюда все-таки мне надо уезжать скорее.
Д у д у к и н. Почему же?
К р у ч и н и н а. Слишком много волнения я испытываю; здесь все напоминает мне мое печальное прошлое.
Д у д у к и н. Прошлое пора позабыть.
К р у ч и н и н а. Да уж я было и стала забывать, да вот попала случайно на родину, все и ожило в моей памяти.
Д у д у к и н. Забудьте, забудьте! Пора вам пользоваться своей славой, своими успехами, пора успокоиться на лаврах.
К р у ч и н и н а. И рада бы успокоиться, да не дают. Я чуть было не умерла вчера.
Д у д у к и н. Неужели? Что же случилось?
К р у ч и н и н а. Оказалось, что я была обманута самым безжалостным образом. Когда мне писали, что мой сын умер, он был жив, он выздоровел. Его отдали кому-то в приемыши.
Д у д у к и н. Кому же?
К р у ч и н и н а. Ничего неизвестно, никто не знает. У кого только можно было спросить, я спрашивала. Некоторые помнят, что действительно были какие-то приезжие купцы или мещане, а кто говорит, что и господа, что взяли ребенка и уехали; а куда - никто не знает. Так и следов не осталось.

Д у д у к и н. Где ж теперь следов искать! Кому ребенок мешал, кому нужно было его спрятать, так уж, поверьте, спрятали хорошо.

К р у ч и н и н а. Так вы думаете, что это сделано умышленно, что его хотели сбить с рук?

Д у д у к и н. Без сомнения. А то зачем же было писать вам, что он умер?

К р у ч и н и н а. Да, конечно. Ну, вот видите ли... А вы все советуете успокоиться.

Д у д у к и н. Да и думать-то об одном и том же что хорошего! Пользы никакой не будет, ничего не придумаете, а с ума сойти можно.

К р у ч и н и н а. Да, можно, можно; я теперь понимаю, что даже легко сойти с ума.

Д у д у к и н. А вы положитесь на судьбу! Коли суждено вашему сыну найтись, так он найдется.

Муров показывается на террасе.

А пока будем жить и веселиться! Жизнь для радостей дана.

Входит Муров.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кручинина, Дудукин и Муров.

М у р о в. Там последний роббер кончили; новая партия составляется.

Д у д у к и н. Извините! Я побегу, посажу господ играющих и сейчас же возвращусь. (Уходит.)

М у р о в. Вы мне позволите побеседовать с вами?

К р у ч и н и н а. Вы имеете что-нибудь сообщить мне?

М у р о в. Имею; но, к сожалению, известие не совсем приятное.

К р у ч и н и н а. Ничего, говорите! Я приятными известиями не избалована.

М у р о в. Я видел того человека, о котором давеча говорил вам.

К р у ч и н и н а. Что же вы узнали от него?

М у р о в. Что этот купец Простоквашин...

К р у ч и н и н а. Вы, кажется, говорили: Иванов?

М у р о в. Я давеча ошибся, а потом вспомнил. Так вот-с что: купец Простоквашин вместе с приемышем своим, года три или четыре тому назад, уехали в Астрахань по своим торговым делам; оба там захворали какой-то заразной болезнью и умерли.

К р у ч и н и н а. Если это и правда, то ведь осталась вдова. Уж вам лучше сказать, что все умерли.

М у р о в. Нет, как можно! Зачем ей умирать! Помилуйте! Вдова осталась, непременно осталась.

К р у ч и н и н а. Где ж она, что ж она?

М у р о в. А она, должно быть, с огорчения, вышла замуж за молодого человека, за своего приказчика.

К р у ч и н и н а. Как ему фамилия?

М у р о в. Это неизвестно; впрочем, легко узнать: стоит только спросить, за кого вышла замуж вдова купчиха Непропекина.

К р у ч и н и н а. Вы сейчас только сказали, что фамилия этого купца Простоквашин, а теперь уж Непропекин!

М у р о в. Как, неужели? Впрочем, спорить не смею; я очень часто перепутываю фамилии.

К р у ч и н и н а. Теперь еще вопрос: во всем том, что вы мне говорили давеча и теперь, есть сколько-нибудь правды?

М у р о в (смеется). Вопрос категорический! Не сомневайтесь! Есть!

К р у ч и н и н а. Что же именно?

М у р о в. Что сын ваш умер, что его давно нет на свете, и пора забыть все это дело.

К р у ч и н и н а. Забывайте; я вам не мешаю.

М у р о в. Нет, я вам советую. Занимайтесь своим делом артистическим, благо оно идет у вас так успешно. Вы не семнадцатилетняя девочка; вам уж пора бросить сентиментальность, пора иметь рассудок и смотреть на жизнь серьезнее.

К р у ч и н и н а. Как вы осмеливаетесь давать мне советы!

М у р о в. Вы меня сами вынудили. Вы тут ездите по городу, расспрашиваете, нашли какую-то полоумную старуху... Приятно ли мне это - подумайте! Я один из самых крупных землевладельцев, у нас скоро выборы, я баллотируюсь на видную должность, а вы тут заводите сплетни; так и жди какого-нибудь скандала.

К р у ч и н и н а. Да какое мне дело до вас? Я ищу своего сына; мне запретить никто не может.

М у р о в. Вот что! Я еще раз предлагаю вам бросить всю эту мелодраму и помириться со мной на самых выгодных для вас условиях. А если не хотите, так по крайней мере уезжайте отсюда.

К р у ч и н и н а. Я не хочу ни того, ни другого. Я обязана сыграть здесь еще два спектакля, и сыграю их, и уеду тогда, когда мне заблагорассудится.

М у р о в. Обязаны! Что за обязательства! Сборы здешние, что ли, вас очень прельщают? Так я вам заплачу, заплачу и антрепренеру.

К р у ч и н и н а. Вы уж заплатили мне злом за добро, а за зло, которое вы мне сделали, у вас не хватит состояния заплатить мне. Я не так богата, как вы, а готова заплатить, что угодно, чтоб только не видеть вас, чтоб вы не встречались мне никогда. Я избегала вас, вы сами меня нашли.

М у р о в. Вот видите ли, я бы для вас и даром уехал отсюда, без всякой платы, да мне нельзя. Я здешний обыватель, здесь все мои интересы, а у вас что здесь? Только одни фантазии. Так фантазировать можно и во всяком другом месте. Послушайте, не ссорьтесь со мной! Вам это будет невыгодно: я человек сильный, у меня большая партия.
К р у ч и н и н а. Я не боюсь вас. Я знаю, что вы способны на все; но хуже того, что вы сделали, вам уж не придумать.
М у р о в (пожимая плечами). Ну, как угодно.

Входит Дудукин.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кручинина, Муров и Дудукин.

Д у д у к и н. Вот я и опять у ваших ног. Угодно вам погулять по саду?
К р у ч и н и н а. Нет, здесь свежо. Я пойду в комнаты. Не провожайте меня, я и одна дорогу найду.
Д у д у к и н. Ну, как вам угодно.

Кручинина уходит.

М у р о в. Нил Стратоныч, скажите, пожалуйста, этот молодой актер, которого я сейчас у вас видел, имеет способности?
Д у д у к и н. Да, кажется. Жаль только, что поучиться ему не у кого, образцов не видит, так и застрянет в провинции. А теперь-то бы и учиться, пока молод.
М у р о в. Ну, на вид-то он не очень молод.
Д у д у к и н. Беспорядочная жизнь, кутежи, бессонные ночи их рано старят.
М у р о в. А как вы полагаете, сколько ему лет?
Д у д у к и н. Да лет двадцать с чем-нибудь, никак не больше.
М у р о в. Не может быть. Ему, я полагаю, под тридцать.
Д у д у к и н. Почему вы спросили о нем?
М у р о в. Да уж очень он ведет себя развязно, громко говорит, судит решительно.
Д у д у к и н. Ну, уж не взыщите! Это их манера, держать себя не умеют.
М у р о в. Беседку-то вы перестроили?
Д у д у к и н. Перестроил, и эстраду для музыкантов выстроил.
М у р о в. А кто он, этот артист, и откуда?
Д у д у к и н. Фамилия его Незнамов; а откуда он, кто ж его знает. Да что он вас интересует?

М у р о в. Нет, я так спросил. В нем что-то такое есть. Видно, что он не простого происхождения.

Д у д у к и н. Ну, происхождения-то своего он и сам не знает.

М у р о в. Напрасно вы их пускаете.

Д у д у к и н. С ними как-то веселее. Да кому ж они мешают? Я не знаю, со мной они всегда очень учтивы.

М у р о в. С вами, этого мало. Надо, чтоб они со всеми были учтивы. Я ему заметил, что прежде молодые люди были гораздо почтительнее к старшим, а он имел дерзость возражать. Вероятно, говорит, старики прежде были умнее и почтеннее. Глупый ответ. Так вы говорите, что ему лет двадцать?

Д у д у к и н. Да, около того.

М у р о в. Вы пруд вычистили?

Д у д у к и н. Вычистил и рыбы напустил, теперь и не узнаете.

М у р о в. Любопытно взглянуть.

Д у д у к и н. Пойдемте!

Идут в глубину сада. Из дома выходит Коринкина, за ней Миловзоров.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Коринкина и Миловзоров.

М и л о в з о р о в. Куда вы устремляетесь?

К о р и н к и н а. Нужно сказать несколько слов Нилу Стратонычу.

М и л о в з о р о в. Еще успеете.

К о р и н к и н а. Да ты что, в нежном настроении, что ли?

М и л о в з о р о в. Есть тот грех; теперь я и нежен, и красноречив, и умен, кажется, а вы от меня бежите.

К о р и н к и н а. Ну, да мало ль что? Ты представь, что мне теперь не до тебя. Что Незнамов, все скромничает?

М и л о в з о р о в. Нет, разрешил. Они с Шмагой так и не отходят от стола.

Кругом их собралось большое общество; Шмага острит, а Незнамов всякого, кто чуть заважничает, вздумает говорить свысока или подтрунить над ними, так и режет, как бритвой. А кругом них публика так и грохочет. У них там пир горой, разлитое море. Тот говорит: "Со мной, господин Незнамов, выпьемте!" Другой говорит - со мной! А Шмага только приговаривает: "И я с вами за компанию".

К о р и н к и н а. Однако я тут толкую с тобой, а мне надо видеть Нила Стратоныча.

М и л о в з о р о в. Да вон он, кажется, сюда идет. Кручинина раза два заглядывала в столовую; слышит монологи Незнамова и назад.

К о р и н к и н а. Надо послать к ней Нила Стратоныча, а то она уедет, пожалуй. Я уж заметила, что она скучать начинает.

Входит Шмага.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Коринкина, Миловзоров и Шмага.

Ш м а г а. Вот теперь наслаждаться природой можно. Теперь и луна поумней смотрит.

М и л о в з о р о в. А Незнамов где?

Ш м а г а. Все там же.

М и л о в з о р о в. Что же ты, мамочка, его оставил?

Ш м а г а. Поди ты к нему, коли тебе охота; он хоть и друг мне, а в такие минуты я стараюсь держать себя поодаль.

М и л о в з о р о в. Друг, а боишься; хорош, мамочка!

Ш м а г а. Ну, сунься поди! Вон он идет; хочешь, натравлю?

М и л о в з о р о в. Нет, нет, мамочка, оставь, пожалуйста, оставь!

Входит Незнамов.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Коринкина, Миловзоров, Шмага и Незнамов.

Н е з н а м о в (Коринкиной). А! Вы здесь!

К о р и н к и н а. Здесь. Где же мне быть прикажете?

Н е з н а м о в. Да мне все равно. А все-таки я вас люблю, я влюблен в вас.

К о р и н к и н а. Покорно вас благодарю.

Н е з н а м о в. А вы меня любите?

К о р и н к и н а. А вы как думаете?

Н е з н а м о в. Да как думать? Почему я знаю.

К о р и н к и н а. Догадайтесь!

Н е з н а м о в. Ну, вот еще, очень нужно мне догадываться. Говорите прямо, начистоту!

К о р и н к и н а. Как же, дожидайтесь! Да с чего вы взяли так со мной разговаривать?

Н е з н а м о в. Отчего ж не разговаривать?

К о р и н к и н а. Да не смейте, вот и все!

Н е з н а м о в. Сметь-то, положим, я смею. А знаете ли, ведь вы лучше

того, чем я о вас думал.

К о р и н к и н а. А что же вы обо мне думали?

Н е з н а м о в. Спрашиваете?

К о р и н к и н а. Да, спрашиваю.

Н е з н а м о в. Я думал, что вы уж совсем никакого интереса не представляете; так все равно, что ничего.

К о р и н к и н а. Ах, боже мой! Скажите пожалуйста! Во-первых, милостивы государь, вы еще очень молоды, чтобы разбирать и ценить людей; вы еще мальчишка...

Н е з н а м о в. Да, это во-первых, а во-вторых что? Во-вторых-то и не скажете! Хотите, я научу?

К о р и н к и н а. Не нуждаюсь.

Н е з н а м о в. Да ведь не скажете. Женщина, когда рассердится, так воображает, что может наговорить ужасно много горьких истин. Начнет торжественно; "Во-первых", да в пяти словах все и выскажет; дальше содержания-то и не хватает. "Во-вторых", "во-вторых", а сказать-то нечего.

К о р и н к и н а. Ах, какой противный!

Н е з н а м о в. Но и тут они не теряются. Когда у них ни слов, ни соображения не хватает, так они браниться начинают. А во-вторых, скажут: "Ты дурак, невежа". Так, что ли?

К о р и н к и н а. Так точно. А во-вторых, ты невежа!

Н е з н а м о в. Вот за это мерси! Как вы натурально сердитесь, это хорошо.

К о р и н к и н а. А если в другой раз будете подобные глупости говорить, так будет еще натуральнее; я такую залеплю...

Н е з н а м о в. Отчего же в другой раз, а не теперь?

К о р и н к и н а. Не хочу, вот и все.

Н е з н а м о в. Нет, пожалуйста! Ну, я вас прошу. Ну, что вам стоит. Авось труд-то не велик.

К о р и н к и н а. Да у меня уж сердце прошло. Теперь это будет в шутку, а я хочу серьезно.

Н е з н а м о в. Ну, хоть в шутку.

К о р и н к и н а. Да что вы пристааете? Ну, вот вам! (Треплет Незнамова ласково по щеке.)

Н е з н а м о в. А! Так вы вот как! Ну, теперь берегитесь! Теперь я имею полное право...

К о р и н к и н а. Что еще? Какое право?

Н е з н а м о в. Поцеловать вас. Чем же еще я могу отплатить женщине за оскорбление?

К о р и н к и н а. Да что ты, с ума, что ль, сошел?

Н е з н а м о в. Да нет, уж кончено, какие тут разговоры.

К о р и н к и н а. Да что вы, Незнамов, что за глупости! Вон Нил Стратоныч идет.

Н е з н а м о в. Вот только разве Нил-то Стратоныч, а то бы!.. Ну, да ведь вместе домой-то поедем.

Входит Дудукин.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Коринкина, Миловзоров, Шмага, Незнамов и Дудукин.

К о р и н к и н а. Нил Стратоныч, что же вы Кручинину оставили; она, кажется, домой собирается.

Д у д у к и н. Как домой! Нет, нет, без ужина нельзя. Удержите ее как-нибудь, мое сокровище!

К о р и н к и н а. Да она меня не слушает.

Д у д у к и н. Так пойдемте вместе ее уговаривать.

К о р и н к и н а. Пойдемте! Подождите минутку! (Обращаясь к Незнамову и Шмаге.) Господа, за ужином и вообще при Кручининой, пожалуйста, не заводите никакого разговора о детях.

Н е з н а м о в. О детях? Что такое? Почему?

Д у д у к и н. Ах, да, да, да! Ни под каким видом, господа, ни под каким видом!

Н е з н а м о в. Ведь это странно! А если к слову придется? Ну, наконец, войдет мне в голову такая фантазия?

Д у д у к и н. Нет, уж я прошу вас в виде личного для меня одолжения. Я, как хозяин, забочусь, чтобы не было ничего неприятного для моих гостей.

Н е з н а м о в. О детях нельзя; а о совершеннолетних можно?

Д у д у к и н. Сделайте одолжение.

Ш м а г а. Нет, Гриша, давай уж лучше о дедушках и бабушках говорить.

Н е з н а м о в (громко смеется). Ха-ха-ха! Именно! Ну, вы можете быть покойны: мы будем говорить о таком возрасте, который очень далек от детского.

Дудукин и Коринкина уходят.

Что за новости, что за дикие распоряжения? Это какая-то новая игра?

Ужин с особой программой для разговора!

М и л о в з о р о в. Да разве ты забыл, мамочка, что я тебе давеча говорил?

Н е з н а м о в. Ах, да. Понимаю теперь. (Хватается за голову.)

М и л о в з о р о в. Значит, правда, а ты меня, мамочка, убить хотел.

Н е з н а м о в. Эка важность! Хоть бы и убили тебя! Ну, чего ты стоишь?

Шмага отходит довольно далеко.

Вот я очень бы доволен был, кабы меня убил кто-нибудь. Эй, Шмага, что ты бегаешь от меня, чего ты боишься?

Ш м а г а (издали). Учен, так и боюсь.

Н е з н а м о в. Поди сюда, болтай что-нибудь.

Ш м а г а. Да что болтать-то? Остроумие что-то на вольном воздухе улетучиваться начинает, подбавить бы его нужно.

Н е з н а м о в. А вот погоди, мы подбавим. Надо, брат Шмага, пользоваться случаем. Не всегда нас с тобой приглашают в порядочное общество, не всегда обращаются с нами по-человечески. Ведь мы здесь такие же гости, как и все.

Ш м а г а. Да, это не то, что у какого-нибудь "его степенства", где каждый подобный вечер кончается непременно тем, что хозяина бить приходится, уж без этого никак обойтись нельзя.

Н е з н а м о в. Да, здесь нам хорошо! А ведь мы с тобой ведем себя не очень прилично и, того гляди, скандал произведем. То есть скандал не скандал, а какой-нибудь гадости от нас ожидать можно.

Ш м а г а. Похоже на то. Что ж делать-то! Из своей шкуры не вылезешь.

Выходят Дудукин, Кручинина, Коринкина; за ними два лакея: один с бутылками шампанского, другой со стаканами на подносе, и ставят вино и посуду на столах. Из глубины сада выходит Муров, из дома выходят гости, которые частью остаются на террасе, а частью располагаются отдельными группами на площадке сада.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Незнамов, Миловзоров, Шмага, Дудукин, Кручинина, Коринкина и Муров, гости и лакеи.

Д у д у к и н. Помилуйте, Елена Ивановна, в кои-то веки дождалась такого счастья, что видим вас в нашем обществе; ведь я о вашем посещении на стенке запишу золотыми буквами, а вы нас покидать собираетесь.

К р у ч и н и н а. Я очень вам благодарна, Нил Стратоныч, и с удовольствием бы осталась, да не могу. Ведь только сегодня свободный вечер у меня, а то каждый день спектакль, мне отдохнуть нужно.

Д у д у к и н. Да еще успеете, успеете и дома быть и отдохнуть; уделите нам хоть полчаса!

К р у ч и н и н а. Не могу, Нил Стратоныч, не могу. Я вот прощусь с товарищами, найду своего кавалера и поеду.

Д у д у к и н. Нет, нет, без надлежащих проводов мы все-таки вас не выпустим. Надо обряд исполнить как следует. Присядьте вот на диванчик!

Вы распорядились, Нина Павловна?
К о р и н к и н а. Да, вот готово. (Лакеям.) Давайте!

Подают шампанское.

К р у ч и н и н а. Это напрасно, Нил Стратоныч; я вина не пью, мне вредно.
Д у д у к и н. Без этого нельзя; у нас почетных гостей всегда так провожают! Пожалуйста! Ну, хоть немножко, сколько можете.

Кручинина берет стакан вина.

Господа, пожалуйста, по стаканчику. Выпьем за здоровье Елены Ивановны.
М у р о в. Я охотно принимаю ваше предложение; я еще не успел поблагодарить Елену Ивановну за наслаждение, которое она нам доставила своим талантом.

Все берут стаканы.

Д у д у к и н. Господа, я предлагаю выпить за здоровье артистки, которая оживила заглохшее стоячее болото нашей захолустной жизни. Господа, я риторики не знаю, я буду говорить просто. У нас, людей интеллигентных, в провинции только два занятия: карты и клубная болтовня. Так почтим же талант, который заставил нас забыть наше обычное времяпровождение. Мы спим, господа, так будем же благодарны избранным людям, которые изредка пробуждают нас и напоминают нам о том идеальном мире, о котором мы забыли.

Голоса: "Браво, браво!"

Талант и сам по себе дорог, но в соединении с другими качествами: с умом, с сердечной добротой, с душевной чистотой, он представляется нам уже таким явлением, перед которым мы должны преклоняться. Господа, выпьем за редкий талант и за хорошую женщину, Елену Ивановну!

Все чокаются стаканами с Кручининой и пьют.

Н е з н а м о в (чокнувшись с Шмагой). Шмага, мы выпьем за хорошую актрису, а за хороших женщин пить дело не наше. Да и кто их разберет, хорошие они или нет.

Д у д у к и н. Незнамов, что вы!

Н е з н а м о в. Виноват.

К р у ч и н и н а. Я за свои труды уже достаточно вознаграждена и нравственно и материально. Господа, честь, которую вы мне оказываете, я обязана разделить с моими товарищами. Господа, я предлагаю тост за всех

служителей искусства, за всех тружеников на этом благородном поприще, без различия степеней и талантов!

Д у д у к и н. Справедливо, прекрасно, благородно! Нина Павловна, Миловзоров, Незнамов, Шмага! За ваше здоровье!

М у р о в. За ваше здоровье, господа!

Ш м а г а. Наконец-то и я сподобился, что за мое здоровье пьют.

К р у ч и н и н а. Ну, теперь уж, Нил Стратоныч, я поеду, мне пора.

Н е з н а м о в. Нет, куда ж вы! Нет, позвольте! Так нельзя. Надо еще тост предложить. (Громко.) Эй! Дайте вина! Вы уж мне позвольте сказать несколько слов; я вас не задержу, не задержу. Мне только бы сказать то, что у меня на душе; не хочется, чтобы оно так оставалось.

К р у ч и н и н а. Сделайте одолжение! Мне будет очень приятно послушать вас; да я надеюсь, что и всем тоже.

Н е з н а м о в. Господа, я получил позволение говорить и потому прошу не перебивать меня.

Д у д у к и н. Говорите!

М и л о в з о р о в и Ш м а г а. Говори, говори!

Н е з н а м о в. Господа, я предлагаю тост за матерей, которые бросают детей своих.

Д у д у к и н. Перестаньте, что вы, что вы!

К р у ч и н и н а (пораженная). Нет, говорите, говорите!

Н е з н а м о в. Пусть пребывают они в радости и веселии, и да будет усыпан путь их розами и лилеями. Пусть никто и ничто не отравит их радостного существования. Пусть никто и ничто не напомнит им о горькой участи несчастных сирот. Зачем тревожить их? За что смущать их покой? Они все, что могли, что умели, сделали для своего милого чада. Они поплакали над ним, сколько кому пришлось, поцеловали более или менее нежно. И прощай, мой голубчик, живи, как знаешь! А лучше бы, мол, ты умер. Вот что правда, то правда: умереть - это самое лучшее, что можно пожелать этому новому гостю в мире. Но не всем выпадает такое счастье. (Склоняет голову и на мгновение задумывается.) А бывают матери и чувствительнее; они не ограничиваются слезами и поцелуями, а вешают своему ребенку какую-нибудь золотую безделушку: носи и помни обо мне! А что бедному ребенку помнить? Зачем ему помнить? Зачем оставлять ему постоянную память его несчастья и позора? Ему и без того каждый, кому только не лень, напоминает, что он подкидыш, оставленный под забором. А знают ли они, как иногда этот несчастный, напрасно обруганный и оскорбленный, обливают слезами маменькин подарок? Где, мол, ты ликуешь теперь, откликнись! Урони хоть одну слезу на меня! Мне легче будет переносить мои страдания, мое отчаяние. Ведь эти сувениры жгут грудь.

Кручинина бросается к Незнамову и достает с его груди медальон.

К р у ч и н и н а. Он, он! (Шатается и падает без чувств на диван.)

Все окружают ее.

Д у д у к и н. Ах, боже мой, она умирает! Доктора, доктора! Вы ее сын. Вы убили ее!

Н е з н а м о в. Я ее сын?

Д у д у к и н. Да. Сколько лет она искала вас! Ее уверили, что вы умерли. Но она ждала какого-то чуда. Она постоянно видела вас в своих мечтах, разговаривала с вами.

Н е з н а м о в. У ней не было других детей?

Д у д у к и н. Что вы, что вы!

Н е з н а м о в. А как же мне сказали? Господа, зачем же вы меня обманули?

К о р и н к и н а. Тише, тише, она приходит в себя.

Н е з н а м о в. Господа, я мстить вам не буду, я не зверь. Я теперь ребенок. Я еще не был ребенком. Да, я ребенок. (*Падает на колени перед Кручининой.*) Матушка! Мама, мама!

К р у ч и н и н а (*приходя в себя*). Да, он тянул свои ручонки и говорил: мама, мама!

Н е з н а м о в. Я здесь.

К р у ч и н и н а. Да, это он... Гриша, мой Гриша! Какое счастье! Как хорошо жить на земле. (*Гладит Незнамова по голове.*) Господа! Не обижайте его, он хороший человек. А вот теперь он нашел свою мать и будет еще лучше.

Н е з н а м о в (*тихо*). Мама, а где отец?

К р у ч и н и н а. Отец... (*Оглядываясь кругом.*)

Муров отворачивается.

Отец... (*Нежно.*) Твой отец не стоит того, чтоб его искать. Но я бы желала, чтоб он посмотрел на нас. Только бы посмотрел; а нашим счастьем мы с ним не поделимся. Зачем тебе отец? Ты будешь хорошим актером, у нас есть состояние... А фамилия... Ты возьмешь мою фамилию и можешь носить ее с гордостью; она несколько не хуже всякой другой.

Д у д у к и н. Я думал, что вы умерли!

К р у ч и н и н а. От радости не умирают. (*Обнимает сына.*)